

Вячеслав Денисов

СУМОЧКА ИЗ КРОКОДИЛОВОЙ КОЖИ

Криминальный детектив и мелодрамы
Кольского полуострова

Вячеслав Денисов

**Сумочка из крокодиловой
кожи. Криминальный
детектив и мелодрамы
Кольского полуострова**

«Издательские решения»

Денисов В. В.

Сумочка из крокодиловой кожи. Криминальный детектив
и мелодрамы Кольского полуострова / В. В. Денисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830371-5

Самое таинственное, непознанное и прекрасное — вот что такое женщина! Её мысли и поступки никогда нельзя предвидеть и невозможно предугадать. Она в любом возрасте способна быть милым и желанным созданием, но при этом обязательно останется поистине сказочной и неразгаданной загадкой...

ISBN 978-5-44-830371-5

© Денисов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Сумочка из крокодиловой кожи	6
Маленький ангел	12
Замкнутый круг	22
Крещенские морозы	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сумочка из крокодиловой кожи Криминальный детектив и мелодрамы Кольского полуострова

Вячеслав Вячеславович Денисов

© Вячеслав Вячеславович Денисов, 2018

ISBN 978-5-4483-0371-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сумочка из крокодиловой кожи

Этот тип был уверен, что если прилетел из Москвы, то уже может считать себя крутым парнем. Он вызывающе оглядел меня наглым надменным взглядом. В мочке левого уха у него торчала золотая серьга, а длинные, засаленные рыжие волосы, подхваченные на затылке чёрной резиночкой, свисали жидкой косичкой. Но более всего меня раздражал его красный пиджак. Впрочем, не только раздражал, а вводил меня в бешенство. Я непроизвольно ощущал себя разъярённым быком, выведенным на корриду. Такой яркий броский цвет могла выбрать лишь смелая амбициозная модница, имеющая точёную фигурку и длинные соблазнительные ножки. Мало того, что этому неуклюжему увальню, пиджак был велик, так ещё и сидел на нём точно так же как может сидеть на корове седло.

– Можешь называть меня без отчества, просто Стасом, – с нескрываемым апломбом представился этот щёголь и тут же предупредил: – Не вздумай меня облапошить! В нашем сотрудничестве мне нужны полные гарантии. Учти, я не лох, не надейся меня нагреть.

«Только настоящий придурок может поставлять палёную водку в областной город!» – хотел огрызнуться я, но всё же сдержал нарастающий гнев и лишь презрительно ухмыльнулся.

Этот прохвост ещё не знал, что у нас в Мурманске вышел закон запрещающий торговлю спиртными напитками даже в тех магазинах, где давно стоят современные кассовые аппараты, но нет соответствующей лицензии. Я запудрю ему мозги, а потом заберу товар за бесценок. Боюсь, что он даже не сумеет покрыть собственные расходы. Скоро он совершенно позабудет про валюту и будет счастлив, если я отстегну ему хоть какую-нибудь сумму нашими российскими рублями.

– Я намерен осмотреть складские помещения, – предупредил Стас. – Мои компаньоны должны быть уверены, что мы имеем дело с деловыми людьми. Нашу продукцию необходимо оградить от всевозможных случайностей.

Он вновь надменно посмотрел на меня и тут же добавил:

– Во всяком случае, до тех пор, пока в моих руках не захрустит наличка...

– Как мы и договорились по телефону, – проговорил я, скрывая внутреннее раздражение. – Желательно в баксах, начиная с 1993 года...

– Меня и моих компаньонов интересует только валюта! Не обязательно в долларах, можно и в евриках... – настойчиво повторил он, поднимая с земли обрывок газеты и тщательно обтерев им остроносые полусапожки на высоком каблуке с блестящей цепью, болтающейся на голенищах.

– Помещение у меня самое надёжное, – спокойно ответил я. – Оно выдолблено прямо в скале, а единственный вход закрывается мощными железными воротами.

Стас лишь одобрительно кивнул головой. Подойдя к моему отечественному автомобилю, он сквасил физиономию и не замедлил подколоть:

– Давно не ездил в таких катастрофах, – недовольно съязвил он. – Это хламьё, а не машина...

Можете представить моё негодование? Вообще-то, у меня была последняя модель, выпущенная в Тольятти в декабре 2015 года. Переднеприводный хэтчбек «Лада Иксрей», повышенной проходимости, ещё приятно пахнущий заводской краской. Этой насмешкой он полоснул по моему самолюбию гораздо сильнее, чем ежели внезапно ударил бы меня ножом.

– Я предупредил моего единственного сынишку, – продолжил Стас, – если будет плохо учиться, то об иномарке может не мечтать. Я возьму ему такую же каракатицу.

«Ты у меня скоро без штанов останешься!» – подумал я, твёрдо решив сбить спесь с этого рыжего чучела.

– Почему-то именно таким убогим я и представлял ваше захолустье, – развалившись на заднем сиденье, подметил он, когда мы проезжали через Колу.

– Мурманск ещё впереди, – стараясь не терять самообладания, ответил я. – Поднимемся на «Жёлтую гору» и ты увидишь, что он не такой уж и мрачный.

– Всё равно не Москва! – буркнул Стас, пренебрежительно сплюнув на коврик моего автомобиля.

«Ничего, за это мы тоже сочтёмся, – прикинул я в уме, но преодолевая желание вышвырнуть его из салона, расплылся в услужливой улыбке.

– Разве можно сравнивать столицу Заполярья с таким прекрасным городом, как твой, – сказал я и, кажется, попал в самое яблочко.

Ему явно льстило то, как я отозвался о его сутолочной деревне. Он удовлетворённо похлопал меня по плечу.

– Большому кораблю – большое плавание! – самодовольно подметил он. – Будешь меня держаться, лет через пяток сможешь приобрести в моих краях шикарную квартиру. Главное, смотри, чтобы я в тебе не разочаровался. Не прощаю тех, кто создаёт мне проблемы.

Я целенаправленно провёз его мимо контейнерной станции, убедив в том, что товар можно доставлять не только автомобильным транспортом. Осмотрев склад, который может стать настоящим бомбоубежищем, Стас остался доволен. Более надёжного хранилища для его палёной водки нельзя было и придумать.

– Этот склад, он твой личный? – поинтересовался столичный аферист, когда я вновь запустил двигатель и плавно тронулся с места.

– Зачем мне содержать такие хоромы? – ответил я, решив не переигрывать, чтобы не вызвать лишних подозрений. – Мои деньги позволяют открыть этот бункер в любое удобное для меня время.

– Тоже клёво! – согласился Стас и тут же изъявил желание посмотреть мои торговые точки.

«Дотошный сукин сын! – мелькнуло у меня в голове. – Неужели ты думаешь, что я не смогу навешать лапши на твои оттопыренные уши?!»

Ровно неделю, изо дня в день, я обходил многие значные места, где шла бойкая торговля спиртными напитками. Теперь меня всюду принимали за своего человека. Я уже договорился и всю продукцию сдам оптом по смехотворно низкой цене. Стас не успеет сообразить, что его надули, как я исчезну вместе с его баксами. Впрочем, мне его ничуть не жаль. Этому прохвосту мой урок пойдёт только на пользу.

– У тебя нет сигарет? – внезапно спросил он.

– Не курю. И тебе не советую, – ответил я, не решившись предложить ему дешёвые папиросы.

Стас озабоченно порылся в карманах, потом открыл портмоне, полностью забитое иностранной валютой и, тяжело вздохнув, посмотрел на меня.

– Ты представляешь, ни одного российского рубля, – понуро проговорил он. – Одни доллары и евроки, будь они неладны... Разменяй или одолжи в долг...

Я молча подал ему пяти тысячную купюру. Он взял блок «Мальборо» и тут же рассчитался со мной валютой.

– Хорошо, что есть немного мелких, а то, в основном, одни сотенные, – словно оправдываясь, сказал он, и выделил мне ещё такую же сумму. – У нас, москвичей, такой закон, – объяснил Стас, – если взял рубль, то верни два...

Я не стал с ним спорить и охотно взял деньги. Если он хочет показать себя крутым бизнесменом, то это его личные проблемы.

Спустя час, он попросил у меня ещё тридцать восемь тысяч, но в этот раз не стал расплачиваться со мной валютой, а попросил их в долг. Он купил своей любовнице классическую

сумочку из крокодиловой кожи. Я знал, что все миллионеры, или так называемые «новые русские» – люди с особыми странностями, но не думал, что и столичные воротилы точно такие же безалаберные люди, способные швыряться деньгами направо и налево. К вечеру я передал ему под высокие проценты всю имеющуюся у меня наличность. Единственное, что мне не нравилось, так это разъезжать по городу на своём автомобиле. Впрочем, «на своём» – слишком громко сказано.

У меня никогда не было машины, и я постоянно сижу на мели, изредка занимая в долг, чтобы проверить мелкую аферу. Да и зачем иметь автомобиль человеку моей профессии, которая ценится лишь в местах, не столь отдалённых. Вскрыть даже самый замысловатый гаражный замок для меня намного проще, чем хорошему повару нашинковать кочан свежей капусты. Я знал, что хозяин этой тачки в командировке, но ведь его родственники могли обнаружить пропажу или, того хуже, увидеть меня за рулём.

Стаса, как назло, словно подмывало мотаться с одного конца города в другой. По-моему, уже не было улицы, по которой бы мы не проехали. Он всё внимательно разглядывал, ко всему сосредоточенно присматривался и, что самое ужасное, слишком много задавал вопросов. Его интересовала всякая мелочь, которая была связана с Мурманском. Если, поначалу, я говорил ему правду, то чуть позже плёл сплошную ахинею, лишь бы только он от меня отстал. Ну, неужели и так не понятно, почему памятник «Алёше», стоит лицом к заливу, а центральную площадь именуют как «Пять углов? Почему у нас есть район, в простонародье называемый «Горой Дураков», хотя именно оттуда открывается изумительный вид, как на сам город, так и на достопримечательности Кольского залива? Да это же элементарно! Просто этот район получил своё неофициальное название из-за нелепой планировки извивающихся улиц и ещё более несуразной нумерации домов, а вовсе не потому, что расположен на вершине этой горы и постоянно охвачен потоком холодного ветра.

Своим занудством Стас достал меня до такой степени, что обчистить его увесистое портмоне на кругленькую сумму стало для меня делом чести. Совместно с ролью гида я превосходно сумел сыграть роль состоятельного предпринимателя. Он, хотя и не сразу, но поверил, что я деловой человек и предложил заключить контракт с его фирмой на взаимовыгодных условиях. Другими словами, в будущем, он решил построить здесь филиал и отдать его в мои руки. Разумеется, что перед этим я пригласил его домой и, конечно не в ту коммуналку, где был прописан, а в роскошную квартиру, снятую мною буквально на пару суток за весьма солидное вознаграждение. Моя жена, также произвела на него неотразимое впечатление, и это лишний раз убедило меня в том, что наши «путаны» могут многое, если им хорошо заплатить. Татьяна была не привередливой девушкой, и она не отказалась сыграть роль моей домохозяйки и верной спутницы совместной жизни. А так как я уже неоднократно обращался к ней с подобной просьбой, то она потребовала от меня десять процентов от чистой прибыли. Я отвесил ей пару оплеух, и она согласилась на пять. Это чудо природы свело бы Стаса с ума, если бы я не представился её любящим супругом. Я видел, как заблестели его глаза. Впрочем, как мужчина мужчину, я его хорошо понимал. Она была профессиональной жрицей любви и до тонкости изучила нашу грубую мужскую натуру. Она сразу сообразила, что ей в лапы попался богатенький Буратино. Я начал побаиваться, что деньги Стаса, к которым я уже успел привыкнуть, в любой момент могут переключиться в её кошелёк. Я понял, что медлить нельзя и, втихаря от неё, предложил московскому спекулянту немного развлечься. Татьяна заметно огорчилась нашему уходу и, благодаря этому, более достоверно сыграла роль законной супруги.

– Милый, постарайся вернуться пораньше. Я буду скучать, – прощепетала она, не забыв при этом, ещё раз пригласить в гости слащавого гастролёра.

Я поцеловал её в щёчку и, незаметно для Стаса, посоветовал слинять куда-нибудь подальше и не совать свой курносый носик в мои тёмные дела.

В «Арктике» я щедро оплатил номер и прямо в фойе снял двух симпатичных «бабочек». Конечно, я был уверен, что нет мужчины, который не захотел бы расслабиться в подобной компании, но этот кретин обескуражил меня идиотским поведением. Представляете, купив довольно-таки не дешёвый подарок для своей любовницы, он вдруг заговорил о супружеской верности!

Выбрав подходящий момент, когда наши разомлевшие кошечки принимали ванну, как бы невзначай, я спросил о реорганизации его бизнеса на Кольском полуострове, как неотъемлемой части рыночной экономики.

– Вообще-то, я не хозяин фирмы, а всего лишь его заместитель в должности коммерческого директора, – нехотя признался Стас. – Шеф хочет, чтобы в Финляндии или в Норвегии я приобрёл ему супермодный автомобиль и отстегнул мне для этой цели сто сорок тысяч долларов...

Услышав такую баснословную сумму, у меня начались спазмы. Я чуть не задохнулся от волнения и зависти. Мне стыдно признаться, но в какое-то мгновение, у меня возникло дикое желание придушить этого франта, но я никогда не был мокрушником, и у меня не хватило бы мужества убить человека. Я больше не думал о мифических рефрижераторах с палёной водкой, и всё своё внимание перевёл на его кожаный дипломат. Теперь я понял истинную причину, по которой он цинично отказался развлечься с мурманскими путанами. Пожалуй, окажись я на его месте, тоже не рискнул бы расслабиться, имея при себе столько наличных денег. Сто сорок тысяч долларов, это даже по самым скромным подсчётам, более девяти миллионов...

«Это острова Анталии... Красивые женщины... Это...» – я размечтался чуть ли не о собственной вилле, но вовремя спохватился.

Пристальный взгляд Стаса заставил меня спуститься с заоблачных высот на нашу грешную землю.

– По-моему, кроме твоей жены и любовницы, тебя больше никто не интересует? – спросил я, стараясь разрядить гнетущую обстановку.

– Вино и смазливые красотки, это первое зло для серьёзного бизнеса! – ответил он, демонстративно постукивая по дипломату кончиками пальцев.

Я предложил избавиться от приглашённых девочек, и он охотно согласился. Мне пришлось возместить им моральный ущерб и вытолкнуть за дверь, выслушивая плеяду всевозможных пожеланий.

– Кроме того, что я должен решить вопрос со спиртным и купить шефу тачку, мне ещё необходимо прозондировать почву насчёт вашего коптильного завода, – оповестил Стас.

– Тебе нужен копчёный палтус? – осторожно поинтересовался я. – Сколько килограмм?

– Мне нужны не килограммы, а тонны этой продукции, – с ехидной ухмылкой ответил он.

– Тонны, так тонны... – скептически согласился я. – Нет проблем!

Он вновь окинул меня испепеляющим взглядом, но больше к этому вопросу не возвращался.

Чтобы не показаться слишком навязчивым, я пожелал ему приятных сновидений и вышел из гостиницы.

За всю ночь я ни разу не сомкнул глаз. Его баксы не давали мне покоя. Я мог мгновенно разбогатеть. Такой шанс нельзя было упустить. Я чувствовал, что наконец-то фортуна мне улыбнулась!

В семь утра я уже вновь был у него. Стас встретил меня бодрым, хорошо отдохнувшим человеком. Он успел побриться и привести себя в порядок. Я отвёз его на коптильный завод, а потом около часа ожидал возле проходной.

– После обеда поедem в банк! – приказным тоном выпалил Стас, влезая в машину и вытирая носовым платком выступивший на лбу пот. – Они согласны оставить партию рыбы, но необходимо авансом внести некоторую сумму.

Я мгновенно сообразил, что могу сорвать неплохой куш, если сам обменяю его доллары.

– В валюте? – стараясь не выказывать беспокойства, поинтересовался я.

– В рублях и желатeльно безналом...

– Мы друзья, и ты можешь рассчитывать на мою помощь, – вызывающе произнёс я.

– Для особо одарённых мурманчан, повторяю ещё раз! Деньги нужны безналом. Я созвонился с шефом, и он всё уладит. Мне необходимо только уточнить реквизиты и прочие банковские документы...

Однако, не смотря на его строптивый характер, было заметно, что он поверил в мою искренность и даже остался доволен моему предложению.

– Если действительно хочешь мне помочь, то я бы не отказался занять до завтрашнего утра тысяч шестьдесят в рублёвом эквиваленте, – как бы, между прочим, произнёс он. – Ты уже одолжил мне на сумочку из крокодиловой кожи и плюс непредвиденные расходы... В общем, не будем мелочиться! Я верну тебе ровно сто тысяч...

Он немного подумал и благосклонно добавил:

– Будет справедливо, если отдам сто десять... Шикарная гостиница, девочки... Всё это спишем на мой счёт. Фирма возместит все расходы...

Мне пришлось побродить по Первомайскому рынку и всё-таки я смог взять необходимую сумму под весьма сносные проценты. Меня предупредили, что через двое суток будет включён счётчик, но это обстоятельство меня уже ничуть не смущало. Меня больше волновал кожаный дипломат московского гостя.

Стас пересчитал деньги и, пообещав вернуть в назначенный срок, даже не поблагодарил за оказанную услугу. Можно было подумать, что он взял мелочь на бутылочку холодного пива.

Где-то вначале третьего, я подвёз его к самому престижному автосалону Мурманска. Разумеется, этот кретин не собирался там ничего покупать. Он лишь хотел заблаговременно ознакомиться со всеми действующими предложениями, чтобы выехав за границу уже иметь реальное представление о стоимости той или иной иномарки. До тех пор, пока Стас внимательно разглядывал автомобили, я был рядом и зорко следил за его дипломатом. У одного внедорожника он, наконец-то, доверил мне свою драгоценную ношу и отвлёкся всего лишь на пару минут. Я тут же простил ему все сто десять тысяч долга.

Я никогда бы не подумал, что наш отечественный автомобиль может развить с места такую сумасшедшую скорость. Лишь в районе Семёновского озера я перевёл дыхание и нажал на педаль тормоза. Бросив машину, которая теперь была не нужна, я вошёл в автобус десятого маршрута и, затерявшись среди пассажиров, отправился в обратном направлении, на южные кварталы, в собственный клоповник.

Войдя в подъезд, я даже не стал дожидаться лифта, а быстро поднялся по лестнице. Моих соседей не было дома, и я решил не церемониться с кодовым замком, а небрежно ударил по нему первой попавшейся под руку монтировкой.

К своему ужасу я обнаружил внутри потёртые джинсы и кипу старых газет.

Меня, опытного жулика, облапошил какой-то столичный щёголь! Если бы Стас попался мне в эту минуту, то теперь, я убил бы его, даже не задумываясь о возможных последствиях. Его рыжие волосы...

Можете представить моё состояние, когда я вспомнил, что видел этот парик в магазине «Проказник». Немного придя в себя, я узнал и джинсы, которые год назад всучил одному лопуху и, по тем временам, отлично наварился.

Разумеется, что внезапно появившиеся долги сулят мне кучу неприятностей, но согласитесь, быть обманутым своим земляком, всё ж таки не так обидно, чем знать, что тебя нагрел заезжий аферист.

Почему «своим земляком»? Да потому, что моя подельница Татьяна, по словам её лучшей подруги, бросила непристойное ремесло и, удачно выйдя замуж, отправилась в свадебное путешествие. В качестве подарка её суженый преподнёс ей сумочку из крокодиловой кожи и шестьдесят тысяч на мелкие расходы. Пожалуй, я единственный человек, который точно знает, где он взял эти деньги.

Маленький ангел

Больше всего четырёхлетняя Лизонька любила те памятные торжественные дни, когда её отец, моряк маломерного рыболовного судна, после продолжительного рейса возвращался домой.

– Папулечка! Родненький мой! – крепко обхватив его за шею, лепетала Лизонька. – Я так долго тебя ждала. Я сильно по тебе соскучилась. Я люблю тебя...

Отец, словно потеряв дар речи от внезапно нахлынувших чувств, несколько секунд молча любовался её пленительно-лучезарной красотой. У Лизоньки были мягкие пухленькие губки цвета недозрелой вишенки и забавный, чуть вздёрнутый носик. Её розовые щёчки украшали две круглые ямочки, а миндалевидные зелёные глаза блестели от восторга и неописуемой радости, что в сочетании с локонами выющихся белокурых волос, непроизвольно перевоплощало её в прекрасную загадочную принцессу.

– И я безумно тебя люблю! – прижимая её к груди, наконец-то избавившись от оцепенения, с трепетным волнением отвечал отец. – И я тоже по тебе сильно соскучился...

Потом он осыпал её различными подарками.

– Эту куклу Барби я купил тебе в Финляндии, – пояснял отец. – Это кружевное платьице привёз из Норвегии, а этого смешного клоуна я взял для тебя на блошином рынке...

Но маленькая Лизонька его почти не слушала. Ей не нужны были дорогие подарки, привезённые из неведомого ей зарубежья. Она была счастлива уже от того, что её единственный любимый отец вновь был рядом с ней. Теперь, просыпаясь ранним утром, у неё была возможность не только видеть его возле своей кровати, но так же она могла постоянно слышать его хриплый прокуренный голос, могла крепко прижаться к нему и бесконечно долго целовать его колючие небритые щёки.

В такие междурейсовые дни отец часто гулял с ней по городу. Он крепко держал Лизоньку за руку, словно боялся выпустить из ладони настоящую птицу счастья, дарованную ему самим Богом. Лизонька отлично понимала, что он вновь, и на длительный срок, уйдёт в море. Именно по этой причине она не отходила от него ни на шаг. Однажды, во время очередной прогулки по Мурманску она вдруг остановилась и внезапно спросила:

– Папулечка! Почему мы не живём в этом красивом сказочном домике?

Станный и неожиданный вопрос дочери хоть и не застал отца врасплох, всё же выражение крайнего изумления отразилось на его смуглом обветренном лице.

– Это не домик, – ответил он, и тут же добавил: – Первоначально здесь был только храм «Спаса-на-Водах». Его возвели в честь погибших моряков. Теперь храм реконструируют, и когда-нибудь на этом самом месте будет воздвигнут Спасо-Преображенский морской кафедральный собор.

Его слова с трудом пробивались сквозь пелену в её детском сознании, но Лизонька всё же посмотрела на него умным сосредоточенным взглядом.

– И тогда этот домик будет совсем-совсем сказочным? – уточнила она.

– Совсем-совсем... – ответил отец.

Его усмешка сменилась мягкой улыбкой.

– Это хорошо... – задумчиво проговорила Лизонька.

– Не просто хорошо, а даже замечательно! – сказал отец.

Он поднял её на руки и нежно по-отечески поцеловал.

– А кто здесь живёт? – неутомно поинтересовалась она.

– Здесь никто не живёт! – с едва заметным вздохом заявил отец.

Глубокая складка пролегла между его густых бровей. Ранние воспоминания, связывающие его с этим храмом и внезапно всплывшие в его памяти, были сладкими и горькими одновременно.

– Нет, тут обязательно кто-то живёт! – непреклонно возразила Лизонька.

Отец многозначительно пожал плечами и вновь нежно поцеловал маленькую дочку.

– Откуда мне знать? Может и правда, кто-нибудь живёт... – отрешённо пробормотал он.

Потом, каждый раз, когда Лизонька вместе с мамой проходила мимо строящегося собора, она всегда говорила, что этот сказочный домик с высокими башнями оберегает её отца от беды и прочих несчастий.

– Это всего лишь красивое архитектурное здание, которое никого не оберегает, и тем более защитить не может! – возражала мама. – Нашего папу оберегает от беды, и действительно может защитить от всяческих несчастий, только наша любовь.

Она вопросительно смотрела на Лизоньку и вкрадчиво спрашивала:

– Ты ведь любишь своего папулечку?

– Да, – коротко отвечала Лизонька.

– И я его тоже очень сильно люблю! Вот поэтому с ним никогда ничего плохого случиться не может.

Не обращая внимания на подобные высказывания, Лизонька продолжала смотреть на воздвигаемый Спасо-Преображенский собор широко раскрытыми глазками и с таинственным восхищением.

– Этот красивый сказочный домик оберегает моего папочку! – упрямо повторяла она.

– А ты с характером, – обычно подмечала её мама и тут же добавляла: – Копия своего отца. Такая же настырная...

– Я папина дочка! – вызывающе, с нотками непритворной гордости, отвечала Лизонька.

– Да кто же спорит? – соглашалась мама. – Конечно папина! А я тут, как бы, совершенно ни при чём...

В такие мгновения она обычно заливисто смеялась, обнажив прекрасные ровные зубки.

– Я тебя тоже очень сильно люблю! – словно оправдываясь, говорила Лизонька.

– Ну, конечно же, любишь. И я тебя люблю! Как же тебя не любить? Ведь ты у нас такая милая, хорошая девочка...

Как-то вечером Лизонька вошла в мамину комнату. Её мать, невысокая женщина приятной полноты, с глазами необыкновенного лазурного цвета, всегда была доброй и жизнерадостной. Но в этот раз, Лизонька даже не сразу смогла её узнать. Мамины волосы, цвета спелой пшеницы, аккуратно уложенные в романтическую причёску греческого стиля, которая придавала ей женственность и нежность, теперь были распущены, в хаотичном беспорядке спадали на плечи и небрежно прикрывали часть её осунувшегося лица. По её щекам стекали тонкие ручейки блестящих слезинок.

– Не плачь, мамочка! – крепко обнимая её, взволнованно пролепетала Лизонька. – Скоро приедет папа, и мы все вместе пойдём гулять.

– Наш папа больше никогда не приедет! – ответила мама и громко зарыдала, не в силах скрыть горькое чувство невосполнимой потери.

Потом она крепко прижала Лизоньку к груди, тяжело вздохнула и почти полушёпотом произнесла:

– У нас больше нет папы... Он погиб...

Она говорила медленно, растягивая слова, но даже это не могло скрыть от её дочери их ужасающего смысла.

– Неправда! – возразила Лизонька. – Мой папа скоро приедет. Его оберегает мой красивый сказочный домик...

– Спасо-Преображенский собор? – робко уточнила мама.

Тыльной стороной ладони она небрежно смахнула вновь навернувшиеся на глаза слёзы и тут же добавила:

– Я тебе уже сколько раз говорила, что твой домик никого не оберегает и защитить не может. Смирись, доченька! У нас больше нет папы...

Но Лизоньку было не так просто переубедить.

– Неправда! – настойчиво повторила она. – Сказочный домик оберегает всех моряков от беды! Мой хороший, любимый папулечка, скоро приедет домой...

– Это вряд ли... – возразила мать без тени иронии или сарказма в голосе.

Потом Лизонька каждый день смотрела в окно, в надежде увидеть своего отца, но он так и не появлялся. Теперь, всякий раз, когда Лизонька проходила мимо строящегося Спасо-Преображенского морского кафедрального собора, она с трепетным волнением смотрела на его купола и мысленно просила вернуть ей отца. Однажды, когда она с мамой вновь гуляла возле Семёновского озера, Лизонька внезапно остановилась.

– Я хочу зайти в мой сказочный домик! – неожиданно заявила она.

Сначала её мама вопросительно приподняла брови, затем нахмурилась.

– Боже правый, что на тебя нашло? Нам нечего там делать! – строго сказала она и недовольно проговорила: – Мне кажется, ты очень неразумно себя ведёшь. Наш папа погиб и нам его уже никто не вернёт...

Но Лизонька настойчиво уговаривала её зайти в этот сказочный домик, который с каждым днём становился всё более великолепным и величавым. Его резные купола и взметнувшиеся к небесам позолоченные кресты, от которых таинственно-божественным светом отражались яркие солнечные лучи, призывали Лизоньку к смирению, но в то же время, вселяли в её душу надежду на Божию благодать.

– Мне нужно сходить в этот сказочный домик! – не по-детски ответственно, с полным осознанием требуемого, проговорила Лизонька.

Она поджала свои мягкие пухленькие губки, её миндалевидные зелёные глаза, обиженные и незащитные, с трудом сдерживая слёзы, с немим упрёком уставились на мать.

– Детонька! Милая! Но куда же мы пойдём? Неужели ты сама не понимаешь, что собор ещё не достроен... – снисходительно с откровенными нотками сочувствия, сказала Лизонькина мама. – Твой сказочный домик всё ещё реконструируют...

– Мне нужно... – вновь повторила Лизонька.

– Хорошо. Мы войдём туда, но только на одну минуточку, – не устояв перед столь необычной просьбой маленькой дочурки, согласилась Лизонькина мама.

Она взяла её за руку и решительно повела к Спасо-Преображенскому собору, отчего Лизонька сразу повеселела. Её личико просветлело, на щёчках вновь появился лёгкий румянец. Её зелёные глазки просохли от слезинок и Лизонька начала смотреть на окружающий её мир совершенно иным, более жизнерадостным и вполне осмысленным взглядом. Лишь перед самым входом на территорию собора её мама внезапно остановилась. Будучи не крещёной, она чувствовала себя неловко и даже была подвержена угрызениям совести, но при этом испытывала какую-то, ранее не ведомую лёгкость души.

– Вам что-нибудь подсказать? – заметив нерешительность Лизонькиной мамы, спросила незнакомая женщина, одетая в церковное облачение.

Лизоньке она показалась очень доброй и заботливой.

– Вы нас, пожалуйста, извините! – произнесла Лизонькина мама. – Я сама не верующая, даже не знаю, как правильно к вам обратиться...

Она прерывисто вздохнула, смущённая собственной неосведомлённостью церковного этикета.

– Я монахиня Серафима. Чем могу вам помочь и что привело вас к Богу? – мягким приятным голосом произнесла женщина, посмотрев на Лизонькину маму с абсолютным, сосредоточенным вниманием.

– Наверное, наша проблема не настолько важна, чтобы отвлекать вас от праведных, благих дел...

Лизонькина мама непроизвольно напряглась, нервы её натянулись, словно гитарные струны.

– И, тем не менее? – уточнила монахиня.

– Даже не знаю с чего начать...

– Начните с главного...

– Моя маленькая несмышлёная доченька убеждена, что этот собор вернёт ей погибшего в море отца.

– А вы сами верите в то, что он погиб? – спросила монахиня, вежливо нарушая наступившее неловкое молчание.

– Мой муж несколько лет занимался добычей рыбы в Баренцевом море. В начале этого года ему предложили выгодный контракт, от которого он не смог отказаться.

– Работа где-нибудь за границей?

– В том-то и дело! Обещали очень высокий заработок. Но я как чувствовала, что произойдёт несчастье и боялась его отпускать, – с дрожью в голосе, пояснила Лизонькина мама и тут же добавила: – Во время шторма, разбушевавшегося в Средиземном море, сильной волной смыло за борт троих рыбаков. Итальянским спасателям удалось своевременно обнаружить одного из них, а другие двое...

Она отчаянно заморгала, чтобы не заплакать.

– Без вести пропали? – попыталась предугадать монахиня.

– Во всяком случае, третьего матроса так и не удалось найти...

– Значит, есть надежда, что ваш супруг жив? Возможно, ваша девочка абсолютно права...

– Нет никакой надежды! – огорчённо произнесла Лизонькина мама. – У погибшего моряка, которого через две недели прибило к берегу, чайки выклевали глаза, а мелкие рыбёшки и прочие морские моллюски изуродовали лицо до неузнаваемости. Местные жители так бы и похоронили его безымянным, но при нём были документы...

– Вашего мужа?

– Да...

Лизонькина мама заметно сникла, но всё же нашла в себе силы и тихим потухшим голосом проговорила:

– Я благодарна тем людям уже за то, что они предали его брэнное тело земле. Надеюсь, что в самое ближайшее время у нас с дочерью появится возможность возложить букетик цветов на его могилку...

– Дай то Бог! – сказала монахиня Серафима.

В её светло карих глазах блеснул огонёк понимания. Она сочувственно вздохнула, затем низко склонилась над Лизонькой и тихо спросила:

– А ты, деточка, не веришь, что твой папа погиб?

– Моего папу оберегает этот сказочный домик... – твёрдо заявила Лизонька. – Он скоро вернётся домой...

– Не болтай глупости! – с болью в сердце, проговорила мама.

Ей показалось, что её слова были произнесены слишком громко. Она невольно огляделась по сторонам. Затем ещё раз извинилась перед монахиней Серафимой и, смущаясь, произнесла:

– У вас тут повсюду ремонт. Мы с Лизонькой, пожалуй, пойдём, чтобы никому не мешать...

– Спасо-Преображенский морской кафедральный собор – это ведь не какое-то единое здание. Это целый комплекс, в который входит и ныне действующий храм «Спас-на-Водах», – пояснила монахиня и поучительно добавила: – К тому же, вы никому не мешаете. Приходите в наш собор в любое время и вам всегда будут здесь рады. А что относительно вашей девочки... Если она искренне верит, что её отец жив и здоров, то не нужно смеяться над её верой!

Монахиня Серафима подала Лизоньке тонкую приятно пахучую воском свечку.

– Пойди деточка в храм и помолись. На всё воля Божья! Возможно, Господь услышит твою молитву, и ты снова увидишь своего отца.

– Я не умею молиться, – притихшим голосом, пролепетала Лизонька.

В её глазах мелькнула тень смущения.

– Это не важно, какими словами ты обратишься к Богу. Пойдём, я тебе помогу... – сказала монахиня и взяла Лизоньку за руку.

Лизонька была поражена окружающим великолепием сказочного домика. Внутри он был ещё более величественным и красочным, чем снаружи. А главное, в нём Лизоньке стало как-то уютно и спокойно. У неё даже укрепились вера в то, что её единственный и любимый отец жив и здоров.

– Я хочу, чтобы мой папа вернулся ко мне, – прошептала Лизонька.

Потом она посмотрела на рядом стоявшую монахиню и робко спросила:

– Теперь я увижу своего папу?

– На всё воля Божья! – успокаивающе ответила монахиня Серафима. – Ты, главное, как можно чаще молись и твои молитвы, несомненно, будут услышаны.

Затем она обратилась к Лизонькиной маме, казалось бы, с совершенно простым вопросом:

– Ваша девочка крещёная?

– Нет! Да и ни к чему всё это... – оправдываясь, проговорила Лизонькина мама.

Она побледнела. Можно было заметить, что среди множества икон с изображениями ликов святых, Лизина мама по-прежнему испытывала чувство неловкости.

– Отказываясь окрестить девочку, вы поступаете весьма опрометчиво, – вновь поучительно сказала монахиня. – Необходимо во что бы то ни стало приблизить её к Богу!

Окрестить? – эхом повторила Лизонькина мама, изобразив на лице невинное непонимание.

– Да... Я считаю, что вы глубоко не правы, если думаете иначе. Поступаете безответственно. Вы просто обязаны это сделать...

– Почему? – спросила Лизонькина мама, хотя с этим требованием было сложно поспорить.

Она явно не ожидала такого серьёзного обвинения в свой адрес. К тому же, не знала, что сказать в своё оправдание.

– Девочку сюда привёл Господь, а пути Господни неисповедимы! Повторяю вам ещё раз... Ваша доченька верует, что её папа жив и здоров, так не разрушайте её веру.

Монахиня Серафима на мгновение о чём-то задумалась, затем приятно улыбнулась и с едва заметным вздохом произнесла:

– Крещение – это ведь не просто церковный обряд. Крещение – это символ вступления человека в Церковь и его мистическое приобщение к единству во Христе.

Она с необыкновенным достоинством расправила плечи, смиренно перекрестилась и назидательно добавила:

– Завтра, сразу после утреннего молебна, приводите сюда вашу доченьку. Здесь будет митрополит Мурманский и Мончегорский Симон. Ради такого замечательного ребёнка, я сама подойду к нему и попрошу, чтобы он провёл обряд крещения.

Почти минуту Лизонькина мама пыталась найти хоть какой-нибудь предлог, чтобы отказать от столь неожиданного предложения.

– Вы взрослая женщина, а морочите моей девочке голову! – хотела сказать она, но вдруг, её внутренний голос остановил её, подсказав, что этого делать, категорически не следует.

– Я хочу покреститься в этом милом сказочном домике! – с мольбой в глазах пролепетала Лизонька.

Она заискивающе посмотрела на мать, с тревогой ожидая ответ, который невозможно было предугадать заранее. Внутри у неё всё затрепетало от нахлынувшего возбуждения, где слились воедино как хрупкая надежда, так и горечь возможного разочарования.

– А я нисколько не сомневаюсь, что всё это полная ерунда! – строго сказала Лизина мама. – Даже слышать ничего об этом не хочу...

Вполне адекватная и ожидаемая просьба дочери вызвала у неё совершенно негативную реакцию. В подтверждение своих слов она отрицательно покачала головой.

– Да и кто этот ваш митрополит? – недоброжелательно поинтересовалась она, окинув монахиню Серафиму испепеляющим взглядом. – Ещё вчера был командиром на подводной лодке, а как только вышел в отставку, так вдруг сразу стал исконно верующим православным христианином?

Её голос казался спокойным, но за этим спокойствием таилась настоящая буря негодования.

– Наш митрополит Симон, никогда не был командиром подводной лодки, – размеренно ответила монахиня и тут же добавила: – Но в армии он конечно служил. Тем более что родился и вырос в семье военнослужащего. В своё время Владыка Симон даже был военным врачом, а в 1983 году окончил Московскую Духовную Академию и принял монашество.

– Хотите сказать, что он рождён быть священнослужителем? – с нескрываемым сарказмом и некоторыми нотками прежнего раздражения в голосе, поинтересовалась Лизонькина мама.

– Этого я не знаю, – всё тем же спокойным голосом, ответила монахиня. – Но смею вас заверить, что митрополит Симон, это не только кристально чистой души человек, но и воистину митрополит от Бога!

Лизонькина мама была до такой степени обескуражена её ответом, что смогла лишь пробормотать слова извинения. Она почувствовала, как кровь прилила к её щекам, и поспешно отвернулась, чтобы скрыть внезапно нахлынувшее чувство стыда.

– Бог простит нам все наши заблуждения и прегрешения! – вновь перекрестившись, произнесла монахиня Серафима.

Она была исключительно добра и тактична, но при этом, её голос стал более твёрдым и выразительным, а глаза наполнились искренним состраданием.

– Я хочу покреститься! – упрямо повторила Лизонька.

Ничто в жизни ещё не удивляло и одновременно не пугало её мать так, как неожиданная настойчивость маленькой дочери. От негодования она сжала кулаки с такой силой, что даже почувствовала, как её ногти впиваются в ладони. Её нижняя губа задрожала. В этот раз просьба дочери уже прозвучала словно приказ, который невозможно было не выполнить.

– Хорошо, – неожиданно пообещала она. – Завтра мы обязательно сюда придём. Пусть митрополит Симон тебя окрестит...

На секунду ей показалось, что буквально все лики святых, находящиеся в соборе, смотрят на неё одобрительным взглядом. И хотя она сразу же выбросила эту мысль из головы, всё же снисходительно добавила:

– Во всяком случае, если ты хочешь стать ближе к Богу, то почему я должна этому противиться...

Запомни детонька, – приятным мягким голосом, добавила монахиня Серафима, – все люди, которые к нам приходят, и взрослые и дети, обязательно приобретают духовное успокоение и веру в грядущие лучшие времена.

– И мой папа ко мне вернётся? – настойчиво поинтересовалась Лизонька.

Монахиня ответила не сразу. Сначала она поправила косыночку, прикрывшую Лизонькины кудрявые белокурые волосы и лишь затем вновь произнесла:

– На всё воля Божья!

Догадавшись, что такой ответ вряд ли удовлетворит Лизоньку, она снисходительно добавила:

– Ты, главное, продолжай верить, что твой папа жив и здоров. А ещё не забывай молиться! А я в свою очередь тоже помолюсь и попрошу Господа Иисуса Христа, чтобы он откликнулся на твои молитвы...

– Я действительно не верующая женщина, но так и быть, не стану перечить воле и желанию моей дочери. Завтра я обязательно её приведу... – заверила Лизонькина мама.

Она неторопливо повела дочку к выходу, но перед тем как покинуть собор, ещё раз обернулась.

– Если не ошибаюсь, при крещении должны присутствовать крёстные родители... – робко уточнила она.

– Я с превеликим удовольствием соглашусь, стать крёстной матерью для этой восхитительной забавной девочки, – с полной ответственностью заявила монахиня Серафима.

Всю эту ночь Лизонька беспокойно ворочалась в постели, часто просыпалась, а потом долго не могла заснуть. Ей не терпелось дожидаться следующего утра и как можно скорее пойти в её прекрасный сказочный домик. Лизоньке понравилось молиться о спасении её единственного и любимого отца.

– Какой ты чудесный и хорошенький... – уже на следующий день выговаривала Лизонька, поглаживая ручонками свой новенький нательный крестик.

Она так же с не наименьшим восторгом поглядывала на иконку, подаренную ей митрополитом Симоном, который остался для неё всего лишь седобородым дедушкой, постоянно смотревшим на Лизоньку уставшим, но очень добрым и нежным взглядом.

– Господи Милосердный, сжался надо мной, верни мне моего дорогого папочку! – неустанно повторяла Лизонька.

Она продолжала молиться даже когда одни дни менялись другими, прохладное лето Заполярья сменилось холодной и дождливой осенью, а на смену этой осени пришла морозная заснеженная зима, затем наступила весна и незаметно, вновь над Кольским полуостровом засияло яркое летнее солнце. К сожалению, её папа так и не возвращался домой, но, несмотря на это, Лизонька упорно продолжала молиться и просить Господа исполнить её самое заветное желание. Поражаясь неустанному упорству маленькой дочери, её мама всё чаще стала водить Лизоньку в ещё не достроенный Спасо-Преображенский морской кафедральный собор. Однажды она вернулась оттуда с таким же серебряным нательным крестиком, какой был у её маленькой дочери.

– Может и правда, пути Господни неисповедимы? – сказала она, нежно обнимая Лизоньку. – Раз ты так сильно веришь, что твой папа не погиб в море, то и я тоже стану просить Иисуса Христа совершить великое чудо.

Спустя ещё какое-то время, тёплым июньским днём Лизонька смотрела на свою иконку и в очередной раз умоляла Господа вернуть ей отца, как внезапно распахнулась дверь её детской комнаты, и взволнованная мама громко воскликнула:

– Лизонька! Доченька! Родная моя... Посмотри, кто к нам пришёл... Господь услышал твои молитвы...

Лизонька пристально смотрела на незнакомого человека. Это был высокий и сильно исхудавший мужчина. Взгляд его блестящих чёрных глаз, обрамлённых густыми ресницами, отдалённо напоминал ей отца, но всё-таки был каким-то другим, незнакомым и в тоже время привораживающим её внимание. В какой-то момент она узнала его широкую лучезарную улыбку, и её сердечко тревожно забилося.

– Папа-а-а! Папулечка... – громко вскрикнула Лизонька. – Родненький мой! Любименький... Я так долго тебя ждала, Я верила, что мой сказочный домик обязательно тебя защитит... Я же говорила, что ты ко мне вернёшься...

Она бросилась к отцу в жаркие объятия, и крепко обхватив его за шею, принялась целовать его колючие небритые щёки.

Папочка! Любименький мой! Ты вернулся... – возбуждённо произносила Лизонька. – Мне дедушка подарил серебряный крестик и иконку Господа нашего Иисуса Христа. Я всё время молилась. Господь услышал мои молитвы...

– Какой дедушка? – изумился отец.

– Ей уже исполнилось пять лет, но она всё ещё несмышлёная маленькая девочка, и даже не понимает, что её окрестил сам митрополит Мурманский и Мончегорский Симон. Сколько раз ей говорила об этом, всё бесполезно. Так и продолжает считать его своим родным и самым добрым на свете дедушкой... – пояснила Лизонькина мама.

Несмотря на то, что Лизонька ровным счётом ничего не поняла ни о рабочей спецодежде, в которой находились документы её отца и которую по ошибке надел другой матрос, ни о какой-то иностранной яхте и долгих месяцах заключения, она была безумно счастлива. Она была счастлива уже от того, что могла находиться рядом со своим отцом. Лизонька вновь могла крепко обнять своего любимого папу и слышать его хриплый прокуренный голос.

– Было ужасно страшно, когда я, в крошечной мгле освещённой лишь вспышками молний сопровождаемых раскатами яростного грома оказался за бортом нашего судна, – говорил отец Лизонькиной маме. – Я был уверен, что пришёл конец моему жалкому никчёмному существованию. Буквально за доли секунды я успел переосмыслить всю свою сознательную жизнь. Я видел себя маленьким ребёнком и видел своих давно умерших родителей. У меня перед глазами промелькнула моя юность, а так же и моя семейная жизнь. Я видел тебя и нашу свадьбу...

– Меня? – изумилась Лизонькина мама.

– Ты была в красивом свадебном наряде, с твоей прекрасной причёской. Ты как всегда мило улыбалась. Я смотрел на тебя и понимал, что вижу в последний раз. Моё сердце сжалось от ужаса. Впервые за столько лет я обратился за помощью к Богу.

– И правильно сделал! – похвалила Лизонькина мама, и тут же спросила: – Наверное, ты молил его о спасении своей души?

– Я поклялся, что если останусь жив, то обязательно схожу в церковь и покрещусь. Хотя, говоря честно, я уже не верил в своё спасение. Внезапно передо мной возникло видение. Я отчётливо увидел Лизоньку, стоявшую на коленях перед иконой Господа Иисуса Христа. В глубине души, я даже пожалел, что мы с тобой так и не собрались окрестить нашу девочку.

– В тот момент, когда тебе грозила смертельная опасность, наша доченька ещё не была крещёной девочкой, – задумчиво ответила Лизина мама и тут же добавила: – Видимо уже тогда Господь знал, что она уверует в него и обратится к нему с такой мольбой.

– Во всяком случае, – продолжил отец, – в тот момент я подумал о том, что Господь смиростивился и, простив все мои прежние прегрешения, позволил перед неминуемой гибелью воочию увидеть ваши образы, самые дорогие и милые моему сердцу.

– Вероятно, так оно и было? Наш Господь милосерден...

– Да, несомненно, – согласился отец и тут же добавил: – Но уже буквально через какое-то мгновение и ты, и Лизонька исчезли из моего видения. На линии горизонта вдруг отчёт-

ливо возник белостенный четырехкупольный Спасо-Преображенский морской кафедральный собор...

– Ты имеешь в виду храм «Спаса-на-Водах»? – поинтересовалась Лизонькина мама.

– В том то и дело, что я видел уже полностью возведённый собор. Таким он предстанет перед мурманчанами и гостями нашего города лишь в светлом будущем. Возможно через год, а может и по истечению двух – трёх лет...

– Меня не покидает ощущение, что этот собор строят всем миром, – воодушевлённо подметила Лизонькина мама. – Я постоянно вижу, как ради такого благого дела, люди бескорыстно жертвуют часть своих сбережений. Конечно, в зависимости от того, кто сколько может...

– Во всяком случае, я видел его уже в законченном варианте. Он состоял не только из абсолютно нового собора, но туда входил и ныне существующий храм «Спас-на-Водах», с примыкающей к нему шатровой колокольной. Над входами в собор были расположены мозаичные и расписные лики святых. Другими словами, он был воистину красочным и величавым, с позолоченными крестами. Я отчётливо видел, что от него исходило лучезарное сияние, обладающее теплом и нежностью божественной любви.

– Я теперь сама уверовала в Бога, но всё-таки это маловероятно, – усомнилась Лизонькина мама. – Скорее всего, в тот роковой момент, у тебя произошло расстройство восприятия реального мира. Ты стал видеть, слышать и ощущать то, чего в действительности не существовало.

– Нет! – твёрдо заявил отец. – От этого собора действительно исходило сияние, которое низвергло чёрную непроглядную мглу штормового моря и грозового неба.

Лизонькина мама неопределённо пожала плечами. Даже после невероятного возвращения мужа, она по-прежнему не слишком-то верила в чудеса, но и не доверять ему тоже не имела никаких оснований.

– Наступил момент, когда мне показалось, что я окончательно начал терять сознание. От пребывания в ледяной воде, я перестал ориентироваться в пространстве и во времени. Я уже окончательно попрощался с тобой и с Лизонькой, как вдруг отчётливо услышал детский ангельский голосок, – возбуждённо продолжил отец. – Этот голос я узнал бы из тысячи похожих голосов...

– Это был голос нашей маленькой дочери... – догадалась Лизонькина мама.

– Да. Это был именно он, – ответил отец и тут же добавил: – Это был голос маленького ангела! Я вновь услышал её заверения о том, что Спасо-Преображенский собор, то есть её сказочный домик, спасёт мне жизнь и убережёт от всяческих несчастий.

Он на секунду задумался, затем произнёс:

– Ещё я слышал, как Лизонька молится...

– Но когда с тобой произошло это несчастье... Вернее, в тот роковой день и час когда ты упал за борт своего судна, наша дочь ещё не общалась с Богом и не знала ни одной молитвы...

– Я помню эту молитву до сих пор, – сказал отец. – Хотя, можешь поверить мне на слово, никогда до этого, и даже после моего спасения, её нигде не слышал. Да и не мог слышать...

Он немного подумал, затем размеренно произнёс:

– Господи Милосердный, сжался надо мной! Если хочешь, я отдам тебе все мои игрушки и даже самые любимые куклы, только верни мне моего родненького папочку...

– Но как? – изумилась Лизонькина мама. – Это действительно её молитва! Но ведь Лизонька начала произносить её совсем недавно...

Она пожала плечами, а затем, почти полупрошептом произнесла:

– Возможно, она и впрямь маленький ангел! Видимо, уже тогда Господь знал, что она станет умолять его о твоём спасении. Видно правду говорят верующие люди, что пути Господни неисповедимы...

– Если не ошибаюсь, – продолжил отец, – в то роковое мгновение я даже улыбнулся и уже смирился с неизбежной кончиной. Был готов принять собственную смерть как спасение от моих мук и страданий. Когда я уже окончательно начал терять сознание, то от Спасо-Преображенского собора всё ещё продолжало исходить божественное сияние, словно специально освещая путь к моему спасению.

– Насколько мне известно, человек, оказавшийся без специального снаряжения в холодной морской воде, способен выжить буквально несколько минут. Так как же тебе удалось спастись? – в трепетном волнении, поинтересовалась Лизонькина мама.

– Иностранцы контрабандисты, которые подняли меня на борт своей яхты, не имеющих опознавательных знаков, впоследствии рассказывали, что внезапно сбились с намеченного курса. Они некоторое время блуждали в штормовых водах. Их капитан не имел никакой возможности что-либо исправить, и даже был не в состоянии предпринять хоть какие-то действенные меры. Но после того как меня обнаружили, в капитанской рубке внезапно восстановились датчики приборов. Некоторые из тех людей до сих пор уверены, что какие-то сверхъестественные силы специально направили их яхту в другой район лишь ради спасения моей души...

– Может, случайность?

– Так или иначе, но моряки, которым удалось во время шторма вытащить меня из воды, даже несмотря на то, что все они были контрабандистами, по-прежнему кажутся мне небесными ангелами. Или, по крайней мере, настоящие небесные ангелы действовали их руками, полностью овладев их душой и телом.

– Ну, это уже явные признаки галлюцинации...

– Не знаю, так было всё на самом деле, или мне только пригрезилось, но видение собора и молитва нашей дочери были со мной до тех пор, пока я не осознал, что моя смерть окончательно отступила.

– Можем считать, что Господь даровал тебе вторую жизнь!

– Я в этом ничуть не сомневаюсь. Благодаря Господу Богу и Лизонькиным молитвам, вновь могу свободно дышать, верить в будущее и наслаждаться жизнью. Той жизнью, которая больше не кажется мне тяжёлой, однообразной, скучной и не интересной. Теперь она наполнена для меня здравым смыслом. У меня появилась вера не только в грядущее будущее, но одновременно я приобрёл веру в нашего Господа Бога! Бога, который пострадал за нас и принял мученические страдания за нас грешных...

И хотя многое, о чём рассказал отец, так и осталось за гранью Лизонькиного восприятия, она всё же была безумно счастлива. Её любимый и единственный папа наконец-то вернулся домой, и теперь они снова будут вместе гулять по улицам родного города. Несмотря на то, что за время отсутствия её отца, Лизонька повзрослела на один год, она по-прежнему оставалась маленькой наивной девочкой. До сих пор Лизонька не только не могла выговорить, но и была не в состоянии запомнить полное название Мурманского Спасо-Преображенского морского кафедрального собора, именно поэтому он так и остался для неё всего лишь красивым сказочным домиком.

– Я теперь знаю, кто живёт в этом чудесном домике! – лёжа в постельке и закрывая глазки, прошептала Лизонька. – Там живёт Боженька, который вернул мне моего папочку...

Впервые за долгие дни, недели и месяцы тревожного ожидания она заснула крепким и сладким сном. В эту ночь ей снился митрополит Мурманский и Мончегорский Симон, который так и остался в её детском сознании всего лишь добрым седобородым дедушкой. В этом благословенном сне он осторожно взял её за маленькую хрупкую ручонку и повёл по всему собору, где было множество разнообразных икон, от которых нескончаемым потоком исходило тёплое яркое сияние, от чего у неё на душе стало тихо и спокойно.

Замкнутый круг

Над Кольским полуостровом нависла полярная ночь. Солнечные лучи уже давно не заглядывали в окна. По утрам было сумрачно, и постоянно болела голова, отчего Павел Николаевич Ларин зачастую впадал в меланхолию.

В майке, заправленной в трико, и в шлёпанцах на босу ногу, он вошёл в кухню и включил газ. Пока в чайнике закипала вода, успел побриться. Глядя в зеркало, Ларин заметил на лице пару новых морщин. Ради интереса он попытался отыскать в густой шевелюре хоть один тёмный волосок, но все его старания были напрасны.

Всё же лучше быть седым, чем лысым, – подметил Павел Николаевич и, насухо обтеревшись махровым полотенцем, освежил гладко выбритые щёки пахучим одеколоном.

Какой нынче день? – обжигаясь горячим кофе, подумал он.

Что воскресенье, что понедельник – теперь всё было едино... Павел Николаевич непроизвольно начал размышлять о превратностях беззаботной старческой жизни.

Телефонный звонок прозвучал в момент, когда Ларин только что надкусил бутерброд.

– Слушаю вас, – сказал он, неловко прижимая к уху телефонную трубку.

– Павел Николаевич! Это вы? – раздался взволнованный женский голос.

– Слушаю вас, – повторил Ларин.

– Павел Николаевич, вы меня не узнали?

– Простите, нет.

– Я – Татьяна Зиновьевна Лихачёва. Два года назад мы вместе отдыхали на Чёрном море, снимали комнаты у одной хозяйки. Помните, такая маленькая, толстая и вредная?

– Кто? Хозяйка? – не понял Ларин.

– Да, тётя Полина.

– Вы были с дочерью? – Павел Николаевич на секунду задумался. – Кажется, её зовут Леночкой?

– Зерно! – воскликнула Татьяна Зиновьевна. – А вы были с женой и внучкой.

– Теперь я вас вспомнил, – сказал Ларин. – И как это вы меня разыскали.

– Павел Николаевич! У нас несчастье... Вы же работаете в уголовном розыске?!

– Работал, Татьяна Зиновьевна. Работал, голубушка. Уже год как на пенсии.

– Тогда извините. Павел Николаевич, – огорчённо произнесла Лихачёва, – я ведь не знала.

– Может, всё-таки смогу чем помочь? Что у вас отучилось? Что-нибудь с дочерью?

– У нас сосед пропал.

– Молодой или в возрасте?

– Да уж под пятьдесят.

– Женат?

– Был когда-то.

– Может, у него зазноба объявилась? – предположил Ларин.

– Тут такое дело, Павел Николаевич... Мы живём в коммунальной квартире. Обычно Иван Никанорыч не отлучается на длительный срок. И вот... Пропал!

– Татьяна Зиновьевна, голубушка, но это взрослый человек! Насколько я понимаю, он не обязан ни перед кем отчитываться, где и каким образом проводит личное время.

– Я с вами согласна, – всё тем же взволнованным голосом ответила Лихачёва, – но из его комнаты идёт какой-то отвратительный запах.

– Может, у вашего соседа испортился холодильник?

– Павел Николаевич, поверьте мне, что здесь что-то более серьёзное.

– Тогда вам следует обратиться в полицию.

– Я надеялась на вашу помощь. Извините за беспокойство.

– Татьяна Зиновьевна, голубушка, – уступчиво сказал Ларин, – имейте в виду, что вам всё равно придётся обратиться к компетентным органам. Ну, ладно, я сейчас подъеду. Диктуйте ваш адрес.

Он спешно допил кофе и уже вскоре вышел на улицу. Опасливо поглядывая на свисающие с крыш огромные ледяные глыбы, и с трудом преодолевая скользкие участки тротуара, он наконец-то добрался до остановки.

Лишь опустившись на кожаное сиденье автобуса, он смог отчётливо представить Татьяну Зиновьевну Лихачёву. Ниже среднего роста, худощавая, стройная, с хорошими манерами и приятной внешностью, она была интересным собеседником. Её дочь, шестнадцатилетняя девушка с пышными каштановыми волосами, также оставила о себе приятные воспоминания.

– Павел Николаевич! Здравствуйте! Вы уж простите, что пришлось вас побеспокоить, – открывая дверь, произнесла Татьяна Зиновьевна.

По её бледному лицу скользнула лёгкая улыбка.

– Здравствуйте, голубушка! Здравствуйте, – добродушно ответил Ларин. – А вы всё хорошо, Татьяна Зиновьевна...

– Ах, бросьте, Павел Николаевич, – поправляя причёску, проговорила Лихачёва. – В парикмахерскую сходить некогда.

– Переступив через порог квартиры, Ларин окинул беглым взглядом прихожую. Это был длинный и широкий коридор, заставленный какими-то сундуками, ящиками, старыми чемоданами, коробками и прочим хламом. Был здесь и ржавый велосипед, лет, пожалуй, десять висевший на большом гвозде под самым потолком.

– Где проживает ваш сосед? – поинтересовался Павел Николаевич.

– У нас четыре квартиросъёмщика. Вот эта комната принадлежит ему...

Татьяна Зиновьевна указала на вторую дверь с правой стороны, и тут же добавила:

– Иван Никанорыч – отвратительный человек! Мы не живём рядом с ним, а мучаемся! Вообще-то он нелюдимый. А недели за две до его исчезновения был таким весёлым и радостным, что я, грешным делом, подумала, что влюбился мужик на старости лет. Никогда раньше таким его не видела.

– По-моему, вам уже давно нужно было позвонить в полицию, – задумчиво сказал Ларин, подойдя вплотную к двери Ивана Никаноровича. – И давно у вас этот запах?

– Сначала я не придавала ему особого значения, но вчера вечером впервые по-настоящему обратила на него внимание. Я и мусорные вёдра вынесла, во все кастрюли заглянула...

Ларин достал из кармана носовой платок и осторожно взялся за ручку.

– У вас нет ключа от этой комнаты? – после неудачной попытки отворить дверь, спросил он.

– Павел Николаевич! – зардевшись, воскликнула Лихачёва. – Откуда же он у меня возьмётся? У нас у каждого свои ключи. Только от прихожей у всех одинаковые...

– Тогда, голубушка, нам просто необходимо вызвать участкового и плотника ЖЭУ. Где у вас телефон?

Он внимательно посмотрел на Татьяну Зиновьевну.

– Кто-нибудь из ваших соседей дома? Пригласите в качестве понятых.

– Здесь, – Лихачёва указала на дверь, расположенную рядом с комнатой Ивана Никаноровича, – живёт Ирина Александровна – восьмидесятилетняя женщина, учитель химии... У неё ноги парализованы.

– За ней кто-нибудь ухаживает?

– У Ирины Александровны кроме нас никого нет.

– Значит, она постоянно лежит?

– У неё есть инвалидная коляска. Я думаю, она вам не помощник. Её, наверное, приглашать не стоит?

– Как же она забирается в коляску?

– Мы ей помогаем, а уж потом она сама потихоньку передвигается на ней по комнате. Мебели у неё почти нет. Катайся хоть вдоль, хоть поперёк.

Лихачёва посмотрела на Павла Николаевича вопросительным взглядом.

– Не будем её тревожить, – согласился Ларин.

– Вот здесь, – Татьяна Зиновьевна подошла к двери, – в тридцатиметровой комнатухе живём мы с Леночкой. А вот тут, – она направилась к последней, четвёртой двери, – живёт Инна Алексеевна Безымянная. Интеллигентная женщина. По-своему несчастная. Незамужняя. Похаживал одно время кавалер, но что-то у них не сложилось.

– Пригласите! – коротко сказал Ларин.

– Инна Алексеевна! – постучалась в дверь Лихачёва. – Можно вас на минуточку? У нас товарищ из уголовного розыска. Насчёт Ивана Никаноровича.

– Иду, Танечка, иду... – послышался бойкий голос пожилой женщины.

Она вышла в цветастом кимоно. Её ресницы и брови были подведены чёрной тушью, отчего глаза казались выразительными и броскими и тем самым отвлекали внимание от её приплюснутого утиного носа.

– Мужчин в квартире, значит, нет? – поинтересовался Павел Николаевич.

– Иван Никанорыч был единственным мужчиной в нашем обществе, – вступила в разговор Инна Алексеевна.

– Говорить о нём в прошедшем времени пока рано, – подметил Ларин.

– Так ведь запах, – возразила Безымянная.

– Сейчас придёт участковый, тогда посмотрим, – сказал Павел Николаевич.

– Я могу позвать жильцов из другой квартиры, – предложила Татьяна Зиновьевна.

– Пока нет такой необходимости, – ответил Ларин и добавил: – Если, конечно, при наличии трупа вы согласитесь его опознать.

Переглянувшись, очаровательные представительницы слабого пола утвердительно кивнули.

– Вот и прекрасно! – удовлетворённо произнёс Павел Николаевич. – А теперь расскажите мне более подробно о вашем соседе.

– Что рассказать? – недоумённо переспросили женщины.

– Всё, что хотите, – сказал Ларин, – меня всё интересует.

– Негодяй он, каких свет не видывал!

– Характер у него скверный, неуживчивый.

– Если, правда помер, то и не жалко ни грамма.

– Слишком он пакостный и злопамятный. Как змей ядовитый. Житья от него никакого.

– Наверное, часто пил и буянил? – спросил Ларин.

– Слишком мягко сказано, – проговорила Инна Алексеевна. – Он никогда не был трезвым. Напьётся, глазищи вытаращит и ничего не соображает.

– Но, что самое интересное, – подсказала Татьяна Зиновьевна, – всегда был при деньгах.

– Много денег имел?

– Нам с вами такие не снились!

– Где работал?

– Нигде... Околачивался на вокзале или на рынке.

– С продавцов что-то имел. А вот за что они ему платили, не знаем.

– Когда видели Ивана Никаноровича в последний раз?

– Уже дня четыре прошло... – неуверенно сказала Татьяна Зиновьевна.

– Точно, четыре, – подтвердила Безымянная и, бесперемонно прикуривая сигарету, окутала себя и Лихачёву сизыми клубками дыма.

– Гости у него бывали?

– Каждый день кто-нибудь заходил.

– Мужчины?

– В основном женщины, – протянула Инна Алексеевна. – Он был омерзительным типом. Обращался с ними грубо, но денег на них не жалел. Липли они к нему, как мухи на мёд.

– Красивый он был, хоть и пьяница, – сказала Татьяна Зиновьевна.

– Последним кто к нему приходил, не видели?

– Тоже дама какая-то, – сообщила Инна Алексеевна.

– Внешность её запомнили?

– Нет! У меня плохая память на лица, да и видела я её мельком. Они ведь прошмыгнули в комнату, а уж потом оттуда визг и гам доносятся.

– В чём была одета, не помните?

– В шубе. Дорогая норковая шуба, – Инна Алексеевна сделала короткую паузу и, вновь затянувшись сигаретой, добавила: – Кольцо у неё было на правой руке. Красивое! С бриллиантом.

– У него все женщины замужние. Бабы – дуры! Он им – духи французские, а они за ним готовы пойти в огонь и в воду. Потом выбегают в слезах...

Вкратце объяснив лейтенанту ситуацию, Ларин сказал ему начальственным тоном:

– Виктор Сергеевич, пусть плотник вскрыет замок!

– Товарищ капитан, а вы уверены, что там труп? – нерешительно переспросил участковый.

– У вас что, насморк? – возмутился Ларин. – Или вы считаете, там, в комнате, котлеты протухли?!

Шустрый паренёк лет двадцати вынул из слесарного ящика инструмент и выжидательно взглянул на участкового. Человек в форме пользовался у него особым уважением.

– Аккуратней давай, – сухо сказал Виктор Сергеевич.

– Первый раз, что ли? – пробурчал паренёк и, к всеобщему изумлению, в течение нескольких секунд открыл дверь.

Зловонный воздух устремился в прихожую. На полу в луже запёкшейся крови, широко раскинув руки и ноги, лежал труп мужчины.

– Это ещё что за наваждение? – удивлённо произнёс Павел Николаевич, увидев сидящего на груди покойного, пугливо озирающегося кота.

Это было красивое животное чисто голубого цвета, с короткой шелковистой шерстью.

Заметив вошедших людей, кот жалобно замыкал.

– Русская голубая? – высказал предположение участковый.

Склонившись над трупом, Виктор Сергеевич произнёс:

– Похоже на убийство, Павел Николаевич. Ножом по горлу...

– Вижу, – задумчиво ответил Ларин. Он взял кота и перенёс его в дальний угол комнаты.

– Могу себе представить, чем он так сытно позавтракал, – хладнокровно сказал участковый.

Послышался приглушённый женский вздох, затем раздался шум падающего тела. Ларин обернулся. Проворный плотник первым оказался возле Татьяны Зиновьевны.

– Что с ней? – спросил Павел Николаевич.

– Ничего серьёзного, – ответила Инна Алексеевна. – Танечке дурно. Сейчас пройдёт.

Внимательно осматривая труп, Ларин поглядывал и в сторону Лихачёвой. Когда Татьяне Зиновьевне стало лучше, он попросил её подтвердить показания Инны Алексеевны.

- Да, это наш сосед Иван Никанорыч! – заверила Лихачёва.
- Татьяна Зиновьевна, голубушка, – обратился Ларин, – вы не могли бы мне помочь?
- Что я должна сделать?
- Подержите, пожалуйста, его голову. Да... Вот так... Спасибо.
- Участковый недоумённо поглядел на Павла Николаевича, но не произнёс ни слова.
- Ну что же, Виктор Сергеевич, – сказал, наконец, Ларин. – Вызывайте следственную

группу.

– А с вами... – Павел Николаевич окинул Татьяну Зиновьевну испытующим взглядом, – мне нужно ещё кое о чём переговорить.

- Конечно, Павел Николаевич. Идёмте в мою комнату. Правда, у меня не прибрано.

Войдя в комнату Лихачёвой, Ларин осмотрелся.

- У вас даже очень мило, – сказал он. – Конечно, тесновато, но со вкусом.

Он сел за стол, пристально посмотрел на Татьяну Зиновьевну.

- Давайте перейдём к делу!

- Давайте, – слегка смутившись, ответила Лихачёва.

- Есть кое-какая неясность.

- Какая именно? – поспешно поинтересовалась Татьяна Зиновьевна.

- Вы уверены, что никто не входил в комнату Ивана Никаноровича?

- Уверена!

- Может, вы были на работе?

- Я не работаю. Уволена по сокращению.

- Ходили в магазин?

– Леночка приносит продукты, а я постоянно дома. Выходила только один раз, да и то на пять минут, когда выносила мусор. Я же говорила вам, Павел Николаевич...

– Давайте поговорим откровенно! В конце концов, вы сами обратились ко мне за помощью.

- Я и говорю откровенно! Мне от вас скрывать нечего...

– Вы помните, я просил вас подержать голову вашего соседа? – глядя прямо ей в глаза, спросил Павел Николаевич.

- Разумеется.

- И вы помогли мне?

- Разве я не должна была этого делать?

– Вам не кажется, – настойчиво спросил Ларин, – что вы слишком мужественная женщина?!

- Вы, наверное, забыли, Павел Николаевич, что я работала медсестрой.

Она подошла к столу, взяла графин, налила в стакан немного воды и сделала несколько глотков.

– За свою жизнь мне приходилось видеть и не такие трупы, – произнесла Татьяна Зиновьевна. – Перерезанное горло это ещё не самое жуткое зрелище.

– Тогда почему вы упали в обморок, когда вошли в комнату Ивана Никаноровича? – спросил Ларин.

- Я представила, как кот слизывает кровь...

– Вы притворялись! Вы разыграли сцену падения в обморок. Должен заметить, что все присутствующие вам поверили. Все, но не я! – произнёс Ларин повышенным голосом. – Я постоянно наблюдал за вами.

– Зачем мне нужно было притворяться? Чтобы упасть на грязный пол, где лежит разлагающийся труп? При всём моем уважении к вам, Павел Николаевич, это уже слишком! Вы не должны говорить мне такое.

– Вы упали, чтобы незаметно взять из-под кровати ваш шёлковый шарфик!

Татьяна Зиновьевна нервно заходила по комнате. В её глазах вспыхнули искры гнева.

– Кот, действительно, не испытывал голода, – настойчиво продолжил Павел Николаевич. – В его плошке до сих пор лежат остатки свежей рыбы. Заметьте, свежей! Будто только утром её вынули из холодильника. Вы ведь не станете утверждать, что это покойный проявил заботу о своём питомце?

– Я не знаю? – подавленно ответила Лихачёва.

– Кто-то не раз входил в комнату, чтобы покормить кота, – продолжил Ларин. – Вероятнее всего, это был таинственный добродетель, который не боится мертвецов.

Он взял Татьяну Зиновьевну за руку и попросил её присесть рядом.

– У меня есть все основания подозревать вас. Если не в совершении убийства, то, по крайней мере, в причастности к нему, – заключил Павел Николаевич.

Лихачёва опустила голову. Взгляд её стал растерянным.

– Суд учтёт добровольное признание как смягчающее вину обстоятельство. Я могу встать и уйти, но другой следователь всё равно докопается до истины. Разница лишь во времени...

– Я убила Ивана Никанорыча! – с горечью произнесла Татьяна Зиновьевна. – Поверьте, Павел Николаевич, я не хотела! Он был таким гадким человеком.

– Успокойтесь, голубушка, – сказал Ларин, – вы можете мне ничего не рассказывать! Ваше право...

– Нет-нет, Павел Николаевич! Я лучше вам. Мне так удобнее Вы поймёте.

– Тогда я вас слушаю.

– Я должна была Ивану Никанорычу крупную сумму денег. – Поколебавшись немного, она продолжила: – Но это ни в коем случае не было причиной совершённого мною преступления. Все его деньги у него в шкафчике. Я не тронула ни рубля! У него там даже валюта. Все на месте...

– Успокойтесь, Татьяна Зиновьевна.

Ларин посмотрел на неё добрым взглядом.

– Вы пригласили меня в надежде на мою помощь, так доверьтесь до конца.

– Я заняла у него сорок тысяч рублей на длительный срок. Мы купили Леночке пальто с песцовым воротником. Я же тогда не думала, что меня уволят.

Она тяжело поднялась и вновь заходила по комнате.

– В тот вечер... в пятницу... – Лихачёва старалась не смотреть на Павла Николаевича. – Иван Никанорович велел вернуть долг. Он стал кричать на меня. Я пыталась его успокоить. Я обещала перезанять деньги в ближайшее время, но он ничего не хотел слушать. Потом он стал требовать от меня некоторой компенсации... Вы понимаете, что я имею в виду?

Ларин кивнул головой.

– Мерзкий, полупьяный и слюнявый, он стал обнимать меня. Мне было противно! Он разорвал блузку. Он говорил какие-то гадости. Я уже не помню, как нож оказался в моей руке. Я не хотела его убивать! Это была самооборона слабой беззащитной женщины.

Не стоит так волноваться, – сказал Ларин и, поднявшись со стула, слегка тронул её за плечи. – Вполне возможно, – сказал он, – что всё произошло именно по такому сценарию.

Лицо Павла Николаевича приобрело задумчивое выражение.

– Я помогу вам найти опытного адвоката. – Он взглянул в её глаза и почти с полной уверенностью сказал: – Думаю, что вашу дочь оправдают.

– Мою дочь?! – переспросила Татьяна Зиновьевна. – Причём здесь моя девочка? Вы что-то не то говорите.

– Всё то! – не меняя интонации, сказал Ларин. – Шарфик, который вы подняли, молодёжный! Женщины такими шарфиками не пользуются.

– У меня свой вкус! – не задумываясь, ответила Лихачёва.

– Возможно, вы и правы, – не настаивал Павел Николаевич. – В конце концов, ведь носят вполне солидные дамы пышные бантики. – Вот именно! – воскликнула Татьяна Зиновьевна.

Ларин повернулся и, взяв шапку со стола, выглянул в окно. На улице было по-прежнему сумрачно и немногочисленно, лишь порталные краны, распластавшиеся вдоль залива, своим скрежетом напоминали о начале нового рабочего дня.

– Я вам доверилась и теперь об этом сожалею, – проговорила Лихачёва.

– Зря вы так... – сказал Павел Николаевич. – Поймите, голубушка, я желаю вам добра. Не думайте, что в полиции одни простаки, которых легко можно обвести вокруг пальца. Рано или поздно, но вам всё равно придётся во всём сознаться! Испугавшись за судьбу дочери и не зная, к чему она прикасалась в комнате убитого, вы произвели там генеральную уборку. Это сразу бросается в глаза. Единственное, чего я не могу понять, так это, почему вы сразу не обратили внимания на шарфик?

Татьяна Зиновьевна лишь пожала плечами.

– Даже коты вы кормили регулярно, чтобы он не поднял шума и преждевременно не всполошил соседок. К тому же, – продолжал Павел Николаевич, – вы слишком быстро признались в преступлении. Обычно так поступают лишь в том случае, когда покрывают настоящего убийцу.

– Что же мне делать?

– Для начала не пытайтесь лгать! – посоветовал Ларин.

– Я мать! – выкрикнула она в отчаянии. – Иван Никанорыч требовал от девочки невозможного!

– Вы решили выгородить её?

– Да.

Павел Николаевич вновь опустился на стул.

– Расскажите правду! – Он улыбнулся, но глаза его были печальны. – Иначе я не смогу вам помочь. Я должен знать, что произошло в тот день на самом деле.

– Леночка вбежала в комнату с разбитой губой, – с трудом выговорила Лихачёва. – Она была страшно напугана. Её трясло, будто в лихорадке. В каком-то безумии она повторяла одно и то же: «Дядя Ваня хрипит... Посмотри, что с ним!»

Татьяна Зиновьевна расплакалась. Ларин налил ей воды.

– У меня до сих пор такое ощущение, – справившись с собой, продолжила она, – что Леночка, действительно, не знает, кто на самом деле лишил жизни этого подонка. Когда я вошла в комнату, Иван Никанорыч был уже мёртв.

– Тогда-то вы и решили избавиться от возможных улик? – спросил Павел Николаевич.

– Нет! Сначала я вернулась домой и сказала дочери, что совершила убийство.

– Так запросто и сказали?

– Нет! Я порвала свою блузку и даже сама себе исцарапала в кровь руки.

Лихачёва приподняла рукава платья и показала уже заживающие ссадины.

– Лена вам поверила?

– Она была в таком состоянии, что не могла не поверить.

– А где сейчас ваша дочь?

– В институте, – полушёпотом проговорила Татьяна Зиновьевна и тут же умоляюще посмотрела на Ларина. – Вы, если можно, не арестовывайте её в присутствии однокурсников. Она никуда не денется. Я прошу вас!

Опытный следователь хотел что-то сказать, но в это время неожиданно открылась дверь, и в комнату вошла Безымянная.

– Никто её не арестует! – громогласно заявила Инна Алексеевна.

Не обращая внимания на Татьяну Зиновьевну, она обратилась непосредственно к Ларину:

– Вы уж простите, что я случайно услышала весь ваш разговор, – подчёркнуто притворно сказала она. – Я не хотела... Так получилось... Вы неплотно прикрыли дверь, а я как раз стояла рядом. Курила.

– Как вам не совестно, Инна Алексеевна? – хрипло произнесла Лихачёва. – От кого бы то ни было, но только не от вас я могла ожидать такой... такой беспардонности.

– В тот вечер, Павел Николаевич, – не обращая на хозяйку комнаты внимания, продолжила Безымянная, – я была свободна от всех дел и читала Конан-Дойля. Знаете, я люблю детективы. Вначале я услышала, как Иван Никанорыч ссорился с Танечкой. Конечно, я не придала этому большого значения. Наш сосед ежедневно с кем-нибудь из нас ругался. Он и меня часто доводил до слёз. Пусть простит меня Танечка... – Инна Алексеевна виновато взглянула на Лихачёву, – я всё же поняла, что Иван Никанорыч требует у неё деньги. Она в долг у него брала. Потом они вроде о чём-то сговорились. Тихо стало в коридоре. Но вскоре раздался Леночкин голос: «Дядя Ваня! Мне нужно с вами поговорить!» – громко сказала она. «Входи, раз надо!» – грубо ответил ей Иван Никанорыч и впустил в комнату. О чём они там говорили, я, конечно, не знаю. Да и время было уже позднее. Я как раз дочитала последнюю страницу и собралась лечь спать. Тут-то Леночка и вскрикнула! Я, правда, дверь не открыла, но в замочную скважину всё же посмотрела...

– И что вы там увидели? – спросил Ларин.

– Леночку и увидела! Девчушка была в разорванной кофточке. Вся в слезах в свою комнату убежала. Тут сильная злость овладела мною! «Ах, ты, паршивец!» – думаю. Ну, и решила я нашего соседа устыдить. Вошла к нему. А он стал куражиться: «Всех зарезу!» – орёт. Посмотрел на меня с ненавистью и крикнул: «Тебя, дуру, тоже!»

Сначала я пыталась его успокоить, а уж как он сквернословить начал и поносить меня всячески, тут я не сдержалась. Схватила со стола нож, ну и пырнула ему прямо в глотку, чтобы захлебнулся, окаянный. Разумеется, я тут же сообразила, что делать. Ножичек obtёрла, чтобы следов не оставить! Во всех романах так пишут. А не обратила внимания на то, что шарфик Леночкин... Вот так, Павел Николаевич! Надоело из-за этого негодяя в страхе жить. Убила я его, чтобы эта мразь больше над нами не измывалась. Пользовался, что других мужчин в квартире нет, заступиться за нас некому.

– А дальше что? – не выказывая особого любопытства, спросил Ларин. – Ударили вы его, а потом?

– Что потом? Нож obtёрла, чтобы отпечатков не было.

– А дальше? – настойчиво повторил Павел Николаевич.

– Да что дальше-то?! – выкрикнула Безымянная. – Выскочила я из комнаты. Только дверь свою за собой успела прикрыть, а тут и Танюша в прихожую вышла.

– Ну и хорошо, – сказал Ларин.

Он вытащил из кармана авторучку и подал её Безымянной.

– Покажите, как вы ударили Ивана Никаноровича.

– Как ударила? – смутилась Инна Алексеевна. – Ткнула, и всё! Как ещё можно ударить?

– Можно снизу вверх, а можно сверху вниз, – поднимаясь, пояснил Ларин. – Можно слева направо, а можно и наоборот.

– Ткнула в горло... И всё... – растерялась Безымянная.

– Иван Никанорович в момент удара сидел или лежал? – не давая ей опомниться, спросил Павел Николаевич.

– Стоял.

– Не убивали вы его! – возразил Ларин. – Никто из вас его не убивал!

Ничего не понимающие женщины недоумённо переглянулись и лишь затем вопросительно посмотрели на бывшего следователя.

Павел Николаевич им явно нравился. Пожилые дамы любят таких сильных, непоколебимых мужчин. Несмотря на свой пенсионный возраст, он был высокий, стройный, по-мужски симпатичный, даже красивый.

– У вашего соседа на серых брюках нет ни единой капли крови, даже лацканы пиджака почти не испачканы, – продолжал Ларин. – Падая на пол, он напоролся на свой нож, который, я полагаю, держал в руке с выдвинутым вперёд лезвием. Вопрос лишь в том, почему он упал? Если ему в этом никто не помог, то можно считать, что в вашей квартире произошёл несчастный случай.

Павел Николаевич снисходительно посмотрел на притихших подруг и нравоучительно произнёс:

– Жизнь – это не книжный роман! Убить человека не так-то просто!

Взявшись за дверную ручку, Ларин миролюбиво пояснил:

– Я зайду к вашей Ирине Александровне, а вы посидите здесь и подумайте, стоит ли сочинять небылицы.

– Она вряд ли скажет вам что-нибудь существенное, – предупредила Татьяна Зиновьевна.

– Да, вам нет никакого смысла идти туда, – подтвердила Инна Алексеевна.

– И всё-таки я хотел бы поговорить с нею! – твёрдо заявил Ларин и решительно вышел в прихожую.

В сумрачной комнате с задёрнутыми шторами, сквозь которые с трудом пробивался дневной свет, Павел Николаевич увидел иссушенную старостью женщину, насупленную, с лицом, напоминающим печёное яблоко. Она сидела в инвалидном кресле возле аккуратно заправленной постели. Её глаза, потерявшие блеск, тускло смотрели на него.

– Проходите, товарищ следователь, – недовольно прошамкала она. – Пока что-нибудь не случится, никто не зайдёт! А мы, старухи, ведь всё видим, всё замечаем. Напрасно вы игнорировали меня, напрасно...

– Вы не правы, Ирина Александровна, я хотел сразу к вам зайти, – попробовал оправдаться Ларин.

– Так и надо было сначала ко мне заглянуть, а уж потом соседушек моих допрашивать!

– Я никого не допрашивал.

– Вы не хитрите... Я жизнь прожила! Воробей стреляный!

– Я не хотел вас тревожить, – признался Павел Николаевич.

– Такой шум в коридоре подняли, не испугались. А навестить больного человека боязно стало? – пробурчала старуха. – Зря, товарищ следователь... Зря. Я много чего знаю, а вот теперь обижусь на вас, и, может, ничего не скажу.

«Хрычовка старая!» – выругался про себя Ларин, но вслух ответил:

– Ирина Александровна, я исправлюсь.

– Ну, да Бог с вами, – уступчиво сказала хозяйка мрачной комнаты. – Пожалуй, я прощу вас.

Она лукаво улыбнулась, если подобное выражение её морщинистого лица можно назвать улыбкой, и прошамкала:

– Вы знаете, какая я интересная женщина! Посмотрите, вон там, на стене, – она указала костлявой рукой на большую застеклённую рамку с множеством пожелтевших фотографий.

Ларин поспешно подошёл к ним и внимательно стал рассматривать запечатлённое на бумаге прошлое этой одинокой женщины.

– А ведь я когда-то, – хвастливо и не без гордости проговорила Ирина Александровна, – учителем работала. Даже заведующей химической лабораторией одно время была. Знаете, сколько у меня людей было в подчинении?! Мне и сейчас нет-нет, да и пришлют открыточку к празднику. А ведь не любят нас, химиков! Ох, как не любят! А зря... Вот давеча Иннушка

на меня обиделась. Читала она мне «Собаку Баскервиль», ну, а я и скажи ей по простоте душевной, мол, глупости всё это. Сплошной вымысел автора и ничего более.

– Почему вы так решили? – не отрывая взгляда от фотографий, спросил Павел Николаевич.

– Вот-вот, – прошамкала старуха, – а всё потому, что вы либо невнимательно ознакомились с произведением, либо недостаточно хорошо разбираетесь в химии.

– Что же вам не понравилось? – поинтересовался Ларин, стараясь вызвать Ирину Александровну на откровенный разговор.

– Эта история совершенно неправдоподобна! – возмутилась бывшая заведующая химической лабораторией. – Вы хоть знаете, что такое фосфор?

– Поверхностно, – улыбнулся Павел Николаевич.

Ирина Александровна укоризненно покачала головой.

– Это твёрдое вещество, – нравоучительно сказала она. – Чтобы распылить его на шерсти животного, существует только один способ: смазывание летучей жидкостью, содержащей в себе фосфор в растворённом виде. При испарении растворителя он выделится в виде тончайшего порошка...

Старуха заносчиво посмотрела на Ларина.

– Мелко распылённый фосфор на воздухе энергично окисляется, а выделяющееся тепло тут же воспламеняет его. Можете представить, что было бы с собакой, у которой бы вспыхнула шерсть. Да она тут же сдохла бы от страха!

– Мне трудно с вами спорить, – согласился Павел Николаевич.

– Так и не спорьте! – победоносно прошамкала Ирина Александровна.

– Я насчёт вашего соседа... – осторожно напомнил Ларин.

– Ах, какой вы нетерпеливый! – обиделась собеседница. – Вон, возле моей подушки, над койкой... Видите, картина с зимним пейзажем.

– Вижу.

– За этим шедевром вы найдёте то, что вас непременно заинтересует. Только, для начала, отодвиньте меня в сторонку вместе с моим креслом. Да поаккуратней, пожалуйста...

Павел Николаевич недоверчиво посмотрел на старуху.

– Снимите её, я разрешаю.

– Но здесь ничего нет, – разочарованно произнёс Ларин, разглядывая с тыльной стороны жёсткий журнальный вариант.

– Вы не там ищете! – проворчала старуха. – Посмотрите на стену. Её когда-то временно установили. Но, ведь сами знаете, что нет ничего более постоянного, чем временное. Так что вы там видите?

– Гвоздь... – растерянно ответил Павел Николаевич.

– А ещё что?

– Дырочку в стене. Больше ничего нет!

– Ну, так посмотрите в дырочку-то.

Ларин послушно заглянул в отверстие. И... увидел участкового и работников следственной группы. При желании Павел Николаевич мог даже услышать их разговор.

– Конечно, подглядывать неприлично, но, я надеюсь, вы простите мне такую слабость? – скрипучим голосом произнесла Ирина Александровна. – Я не выхожу даже на кухню, а мне интересно знать, как живут люди.

– В принципе, ничего страшного, – ответил Ларин, прилаживая на место картину и думая о том, что сам он не хотел бы иметь такую соседку.

– Сначала я вставляла сучок, но он куда-то подевался.

Выпрямившись во весь рост, Ларин по-новому посмотрел на эту женщину.

– Вы что-нибудь видели? – напрямую спросил он.

– Что-нибудь?! Да я всё видела!

Инна Алексеевна только что сообразила мне в совершённом ею преступлении, – сказал Павел Николаевич. – А перед этим Татьяна Зиновьевна сделала то же самое.

– Не слушайте их. Болтают невесть что! – отмахнулась Ирина Александровна. – Танечка будет защищать свою Лену. Она – мать! Иннушка – святая женщина. И вообще, вы что-нибудь знаете о женщинах?

Я много лет женат, – ответил Ларин. – У меня есть взрослая дочь и маленькая внучка.

Самое таинственное, неопознанное и прекрасное – вот что такое женщина! – торжественно произнесла старуха. – Её мысли и поступки никогда нельзя предугадать. Женщина и в моём возрасте остаётся загадкой!

– Да-да, конечно... – согласился Павел Николаевич.

– Иннушка обязана Татьяне жизнью, – продолжила Ирина Александровна. – Однажды её парализовало. У меня отнялись ноги, а у Инночки – вся левая сторона. Танюша ухаживала за ней. Сама делала уколы. Этим женщинам нельзя верить!

– Отчего парализовало? – поддерживая разговор, спросил Ларин.

– Да всё из-за Ваньки, соседа нашего проклятушего! Он сказал ей, что она никому не нужна с её смешным утиным носом, да ещё стал насмехаться над её бесплодием. Самое унижительное для женщины – детей не иметь. А носик у неё вполне приличный, приплюснутый чуток, но ничего, бывают и хуже.

– А что вы можете сказать про самого Ивана Никаноровича?

Про Ваньку? А чего скажу? Шалопутный он. Я его сразу невзлюбила, как только он вселился в нашу квартиру.

– Давно это было?

Вселился-то? Да лет тридцать пять прошло. Он тогда ещё в школу ходил. Я его хорошо помню. Кошек во дворе мучил. Схватит за хвост и головой об угол дома, а то и об асфальт ударит.

– Я думаю, он любил животных. У него кот в комнате.

– Пират? – прошамкала старуха. – Так он его спёр где-то. Всё на живодёрню грозился отнести за деньги, не успел вот...

– И всё-таки, что же вы видели, Ирина Александровна? – деликатно переспросил Ларин.

– Всё видела.

– А если конкретно?

Поначалу этот негодяй с Танечки деньги требовал. Они долго ругались. Я даже подумала, что подерутся.

– Бывало и такое?

– А то, как же! Участкового не раз вызывали. А наш Ванька потом выйдет и ещё пуще зlobится. Правда, в тот вечер, он Танюшу до слёз довёл, но ударить не посмел. А уж потом, когда Татьяна ушла, к нему Леночка, дочка её, заглянула. Милая такая, приятная девушка.

– Я знаю, – сказал Павел Николаевич. – Два года назад мы на юге вместе отдыхали. Она мне тоже понравилась.

– Умница девочка! – похвалила Ирина Александровна. – Вот она и начала стыдить Ваньку. А он давай ей золотые горы обещать. «Приласкай, – говорит, – все долги спишу». Леночка – девушка воспитанная, ей такое предложение, конечно, показалось оскорбительным. «Дурак, – говорит, – ты дядя Ваня...» А он как схватит её за кофточку, и порвал, гад такой... Она крикнуть хотела, а он ей рот ручищами своими зажал. Только в этот момент ему совсем худо стало. Леночка сообразила, что ей бежать надобно, а Ванька-то ножик ещё успел взять.

– Подождите, Ирина Александровна, я что-то не понял. Отчего Ивану Никаноровичу плохо стало? – спросил Ларин.

– Так ведь он же вместе с вином яд принимал!

– Когда?

– Регулярно. Почитай, дней десять, не меньше...

– Какой яд, Ирина Александровна?

– Сульфат таллия. Весьма забавный элемент! Отравился человек, а через три-четыре дня у него мнимое хорошее самочувствие проявляется. Ходит, веселится, а недельки через две – кувырк, и на том свете окажется.

Павел Николаевич машинально взглянул на картину с зимним пейзажем, которая прикрывала отверстие, разрывающее преграду между двумя комнатами. Он не стал перебивать словоохотливую женщину.

– Ну, так вот, – продолжила она, – Леночка только выбежала, как Ванька-то и упал. Сам он на свой нож наткнулся, никто в том не виноват. Иннушка, конечно, решила, что девчушка его ножиком ударила. А уж когда Татьяна объявилась, та и вовсе поверила, что её дочь этого бугая порешила. Вот так вот, а вы говорите, что женщин хорошо знаете...

– Я не утверждал, – оправдываясь, произнёс Ларин.

– Да бросьте вы, – пробурчала старуха. – Все вы, мужчины, Одинаковы. Только думаете, что знаете нас, женщин, а сами всю жизнь у нас под пятой ходите.

Ирина Александровна устало закрыла глаза и, откинувшись на спинку инвалидной коляски, еле слышно пробормотала.

– А теперь уходите. Мне нужно немного отдохнуть...

Через четверть часа, прощаясь с Татьяной Зиновьевной, Ларин предупредил:

– Говорите только правду! Вашу дочь ни в чём не обвинят.

– Я не знаю, как вас и благодарить, – сквозь слёзы произнесла Лихачёва.

– У вас есть такая возможность, – улынувшись, сказал Ларин

– Что вы имеете в виду?

– Иван Никанорович был одиноким человеком?

– Да!

– У него никого нет?

– Конечно.

– Тогда, если можно, отдайте мне его пучеглазого питомца.

– Пирата? – недоумённо переспросила Татьяна Зиновьевна. – Да, ради Бога!

Был полдень, когда Павел Николаевич, сунув за пазуху кота, вышел на улицу.

– Ну что? Боишься? – ласково проговорил он испуганному животному. – А всё-таки, может зря я не назвал малоопытному следователю имя настоящего убийцы? Ах, ты не в курсе, – спохватился Павел Николаевич. – Когда я уходил от этой старой маразматички, задал ещё один вопрос: откуда она знает, что Иван Никанорович принял сульфат таллия? Ты представляешь, что она мне ответила?

Он легонько погладил кота и негромко добавил:

– Какой вы всё-таки непонятливый! Неужели думаете, что я не имела ни малейшего представления о той дряни, которую подмешивала этому паршивцу всякий раз, когда угощала его вином...

Крещенские морозы

Холодный завьюженный город ещё не успел освободиться от сумрачной пелены ночи, когда по одной из его улиц шёл Михаил Степанович Кульмин, симпатичный мужчина сорока лет, крепкого телосложения, невысокий и широкоплечий. Его лицо было бледным, глубоко посаженные глаза выражали полную растерянность. Полы его пальто были расстёгнуты и широко развевались от встречных порывов ветра. Крупные хлопья снега постоянно налипали на ресницы, но, не обращая на них внимания, он продолжал идти быстрым размашистым шагом. На окраине города Кульмин свернул во двор и поднялся на высокое крыльцо трёхэтажного жилого дома. Сначала он стряхнул с себя снег и лишь, потом, придерживая входную дверь, бесшумно вошёл в подъезд.

Чёрный мордастый кот с длинным облезлым хвостом и выпученными сверкающими глазами неожиданно прыгнул с батареи, угрожающе зашипел и, путаясь под ногами, бросился вниз.

– Чтобы тебя черти разодрали! – незлобно выругался Михаил Степанович и прежде, чем вынуть из кармана ключи, поплевал через левое плечо.

Весь остаток ночи он, как неприкаянный, слонялся по квартире: неоднократно брал с журнального столика вечерние газеты и, бегло просмотрев пару заметок, тут же откладывал их в сторону.

Лишь перед самым рассветом, откинувшись на спинку кресла, он устало закрыл глаза и почти мгновенно заснул, но уже вскоре вновь поднялся и, раздвинув шторы, выглянул в окно.

Было начало восьмого. Метель заметно стихла. По тротуарам, недавно полупустым, теперь торопливо шли хмурые полусонные люди.

После некоторых раздумий Михаил Степанович нерешительно подошёл к телефону и, напрягая память, набрал сложный шестизначный номер.

– Кульмина Светлана Алексеевна? – переспросил незнакомый женский голос.

– Да... – робко произнёс Михаил Степанович.

– Родила мальчика! Рост – пятьдесят четыре. Вес – три восемьсот. Алло... Вы слушаете?

– Да...

– Мамаша и ребёночек чувствуют себя хорошо.

Михаил Степанович хотел ещё о чём-то спросить, но на другом конце провода уже положили трубку.

– Рост – пятьдесят четыре. Вес – три восемьсот... – машинально повторил Кульмин и, словно ополоумев от нахлынувшей на него радости, стал возбуждённо бродить по гостиной. Вскоре он остановился и вдруг подпрыгнул высоко кверху и, касаясь рукой потолка, громко воскликнул:

– Родился мальчик! Господи! Как здорово! У меня родился сынишка...

Немного покривлявшись перед зеркалом, он повертел у виска указательным пальцем, слегка присвистнул и, круто повернувшись, плюхнулся на тахту. Он лёг на спину, положил руки под голову и задумался о прелестях будущей семейной жизни. Его бесцельный взгляд остановился на портрете Светланы Алексеевны, умной и очаровательной жены, одарённой от природы нежностью и кротким, покладистым характером. Её густые волосы белокурыми локонами спадали на красивые плечи, а короткий вздёрнутый носик придавал правильным чертам её лица особую привлекательность.

– Милая моя девочка... – ласково прошептал Михаил Степанович. – Ты не представляешь, как я счастлив!

В этот день он неоднократно навещал Светлану Алексеевну. Один раз, во время кормления, она даже смогла показать ему сынишку. Пристально глядя в младенца сквозь

прихваченные изморозью стёкла, Михаил Степанович безумно хотел взять его на руки. Он, не стесняясь, плакал и чувствовал, что с этого момента как-то по-новому, более жизнерадостно стал воспринимать окружающий мир.

Не обращая внимания на усиливающийся мороз, Кульмин обошёл почти все коммерческие магазины города и лишь под вечер, уставший и огорчённый тем, что не смог приобрести хорошую импортную коляску, вернулся домой. Несмотря на бессонную ночь, он не думал об отдыхе.

– Мальчик! Крошечный, словно игрушка... – взхлёб говорил Михаил Степанович художавой меланхоличной соседке Софье Павловне.

– А Светка – молодец! – похвалила она, нетерпеливо поглядывая на входную дверь. – Смотри, как быстро...

– Сам удивляюсь. Вечером проводил, а к утру... – Михаил Степанович боялся, что его не дослушают. – Я так рад! Я...

– Степаныч, извини, у меня плита... Вода кипит, – оправдывалась Софья Павловна.

– Понимаю, – огорчённо вздохнул Михаил Степанович и тут же продолжил: – Двенадцать лет ждали. Потеряли всякую надежду. Представляете, Сонечка? Двенадцать лет...

Оставшись один, Кульмин снова загрустил, но уже вскоре, немного успокоившись, подошёл к портрету жены.

– Ангелочек мой... Родная моя девочка... – ласково произнёс Михаил Степанович. Он снял портрет со стены и поцеловал.

Длинный пронзительный звонок, раздавшийся в прихожей, заставил его отвлечься от приятных мыслей. Он поспешно пригладил волосы, поправил ворот рубашки и лишь после этого щёлкнул задвижкой замка.

За порогом, словно заиндевелые дед-морозы, переминаясь с ноги на ногу, стояли незнакомые мужчины в засаленной грязной одежде. Их было трое. Одного Кульмин явно где-то видел, но вот где, так и не мог вспомнить.

– Не узнаёшь, Степаныч? Я тебе шкаф привозил.

– Рудольф, что ли? – нерешительно спросил Михаил Степанович. – Грузчик с мебельного...

– Ну, наконец-то! Рудик я... Столяровский. Пришли вот... Хотим поздравить новоиспечённого папашу.

– Откуда узнали? – с непритворным изумлением спросил Михаил Степанович.

– Соседке твоей, тощей, холодильник доставили...

– Ух, жадная баба!

– Сквалыга...

– Кто родился?

– Не подкачал! Ну, молодец, – наперебой зашумели мужчины и, не дожидаясь приглашения, вошли в прихожую и начали раздеваться.

– Да ты, никак, кирной, Степаныч? – поинтересовался Столяровский. – Впрямь, кирной. Что? Ни капли? Непорядок! Сейчас исправим. Мы тут наштабашили малёхо. За мальчонку можно...

– Я же непьющий, – попытался возразить Михаил Степанович.

– Что значит, непьющий? По такому поводу грех не выпить! – мимоходом осматривая квартиру, мужчины прошли на кухню и, потирая ооченевшие руки, расселись за столом.

– Может, в гостиную? Я пока вам что-нибудь приготовлю, – растерянно спросил Михаил Степанович.

– Не суетись.

– Стаканы давай! Отогреемся, потом приготовишь.

– Хлеб есть? Хватит. Да не нужно хрустальных мензурок.

– Степаныч, мы – люди простые, к рюмкам не привычные.

– Так-то оно сподручнее будет.

– Значит, сын, говоришь?

– Мальчик. Рост – пятьдесят четыре. Вес – три восемьсот, – не без гордости ответил Кульмин и, с неприязнью покосившись на запотевшие бутылки, смущённо запротестовал: – Вы без меня. Правда, не пью...

– Прекрати, Степаныч! Так нельзя.

– Ну, только если совсем немножко... – сдался Кульмин. – И впрямь, грех ножки-то не обмыть.

Уютная просторная квартира незаметно наполнилась едким запахом табачного дыма и оголтелым разговором шумной мужской компании. Михаил Степанович открыл консервы, поджарил яичницу и, для более приятного вкуса, посыпал её перцем. У его разомлевших гостей, обветренные на морозе щёки горели алым румянцем.

– Ну, и холодрыга сегодня! – сиплым простуженным голосом сказал самый щуплый из гостей и, вытянув под столом длинные костлявые ноги, неприлично развалился на стуле.

– Крещение скоро, – простодушно заметил второй, всё ещё потирая посиневшие скрюченные пальцы. Это был здоровенный толстогубый детина лет тридцати пяти, с мясистым носом и густыми бровями, дугой огибающими его большие круглые глаза.

– Теперь так и пойдёт: то метель, то мороз... Сынок у тебя, Степаныч, в церковный праздник родился. Давай, ещё по одной, за «христосика» твоего, – многозначительно подметил Столяровский, самый молодой, но слишком ушлый и неприятный, с врождённым жульническим видом. Он поспешно разлил спиртное.

– Вздروгнем, Степаныч! – под одобрительные возгласы товарищей Рудик залпом опустошил почти до краёв наполненный стакан. – Ух, дерёт, зараза! Закуска – что надо! С перцем даже лучше, – сказал он и, дожёвывая яичницу, недоумённо посмотрел на Кульмина: – Степаныч, не тяни кота за хвост. Сын, ведь, родился!

Мужчины незамедлительно последовали его примеру, и только Кульмин ещё долго не решался выпить. Он держал свой стакан, испытывая к его содержимому откровенное отвращение.

Я пропущу. Мне к супруге надо, – неловко оправдывался Михаил Степанович.

– Посидим чуток и сходишь.

– Ты что, до сих пор в роддоме не был?

– Раз пять или шесть ходил, – признался Кульмин, тщетно пытаясь поставить стакан на место.

– Не дури! – остановил Столяровский. – Не обнюхивай водку, как барышню. Главное, закуси.

– Прекрати, Степаныч! Наследник родился! Не щенок подзаборный, – убеждал щуплый, с завидным аппетитом уминая за обе щёки рыбные консервы.

– Мне к Светлане Алексеевне нужно. Коляску ещё не купил...

– Вот за дражайшую супругу и выпей. Думаешь, сладко ей там? Небось, намаялась, бедная. А насчёт коляски, это к Рудольфу.

– Колясочку оформим. Переплатить, конечно, придётся, – намекнул Столяровский и тут же уточнил: – Импортную желательно?

– Я бы рассчитался... – сбивчиво пролепетал Михаил Степанович и с благодарностью посмотрел на грузчиков.

– Замётано, – вступил в разговор толстогубый, – если Рудик пообещал, непременно сделает. Ты, не держи стакан, Степаныч... За твою Алексеевну тоже грех не выпить.

– За Светланку, конечно, – проговорил Кульмин, тяжело вздохнул, поморщился и, наконец, собравшись с духом, выпил за здоровье любимой жены.

– Совсем другое дело! Держи...

Столяровский положил кусочек сала на хлеб и подал его Кульмину.

– Главное закуси, Степаныч, – нравоучительно сказал он и вновь начал разливать спиртное.

– Я так считаю... – сказал он. – Пусть стаканы будут наполнены... Зачем пустые-то на столе стоять будут?

– Сынок, небось, вылитый батька? – спросил щуплый.

– Да, Степаныч, наследника видел? – в свою очередь поинтересовался толстогубый и, громко чавкая, сказал: – Помню, когда моего спиногрыза показали, так я сразу и обалдел. Маленький, а на меня похож. Теперь такой бугай вымахал, того и гляди, шею намылит.

– Натерпелся я страху, – признался Михаил Степанович.

От выпитой водки его кровь учащённо пульсировала, и приятно хмелило голову.

– Прихожу в полдень... – довольный тем, что появилась возможность выговориться, Кульмин добродушно продолжал: – Показывает она мне малютку...

– Супруга?

– Ну, да! Светланка моя... Через окно, конечно. Толком и не разглядел. Что там, на втором этаже, увидишь?

– Моя на первом лежала.

– А моя, так, вообще, на четвёртом.

– Помолчите, мужики! Послушайте человека, – вмешался Рудик и тут же услужливо начал раздавать стаканы. – За отца ещё не выпили. За тебя, Степаныч!

– ...Счастливым, скажу вам, не передать... – не обращая внимания на то, что его часто перебивали, возбуждённо продолжал Кульмин. – Смотрю, супруга моя плачет и на голову показывает. Что было? Всё, думаю, ребёночек дебильный...

– Может, пятно родимое?

– Бывает, они как-то там щипцами...

– Прекратите, – вновь вмешался Столяровский. – Что дальше-то? – сочувственно спросил он и опять первым опустошил стакан.

– Ничего особенного, – широко улыбаясь, ответил Михаил Степанович, – кое как объяснил ей, что, мол, ничего не понимаю. Попросил записку написать.

– Чиркнула?

– Вот, слушайте... – Кульмин достал из кармана пиджака аккуратно служенный тетрадный листок: «Милый Мишутка! – стал цитировать он повышенным, ораторским голосом. – Я очень счастлива, что у нас родился мальчик. Он сильно похож на тебя. Вылитый папулечка. Крепко целую...»

– На голову-то зачем показывала?

– Поясни, Степаныч.

– Вот! Внимание! – объявил Кульмин и с пафосом дочитал: «Когда придёшь в следующий раз, принеси, пожалуйста, расчёску...»

– Ну и отмочила! – воскликнул щуплый и, подняв упавшую папиросу, глубоко затянулся.

– Все женщины с приветом. Рехнуться можно, а она – принеси расчёску, – грубо выругался Столяровский и, подбадривая Михаила Степановича, сказал: – Тем более, после таких переживаний не помешает ещё пропустить, грамм по сто...

Кульмин больше не отказывался от водки и уже не испытывал к алкоголю отвращения. На душе у него было спокойно и радостно. В голове шумело. Он ощущал приятную сонливую слабость. Если вдруг он и пытался противиться, то внутренний голос робко говорил ему: «Миша, ещё чуть-чуть. Сын, ведь, родился».

Впервые за многие годы тихой семейной жизни Кульмину по-настоящему захотелось выпить. Ему даже понравилось быть захмелевшим. Он долго и рьяно о чём-то спорил, потом отрешённо задумался, загрустил, а затем пьяно и горько зарыдал.

Рудольф Столяровский уходил последним. На прощание он плеснул в стакан «Столичной», но не удержал его в руке и выронил на пол. По паркету рассыпались осколки мелких стёкол. Выматерившись, он, покачиваясь из стороны в сторону, неуверенной походкой направился к выходу.

На лестничной площадке он крепко обнял Кульмина и заплетающимся языком пролепетал:

– Ты не серчай за стакан. Я другой принесу.

– Не болтай, – отмахнулся Михаил Степанович, – дело житейское...

– Нет, ты не думай... Рудольф Столяровский – человек слова! Сказал, сделаю, – значит, сделаю...

– Один дойдёшь? – с сомнением спросил Кульмин, заглядывая в его блестящие осоловелые глаза.

– Обижаешь! – вскипятился Столяровский и тут же, цепляясь за перила, с грохотом покати́лся вниз по ступенькам.

Михаил Степанович сочувственно посмотрел на его ссадины и без особого энтузиазма предложил:

– Давай, провожу!

– Сам дойду! Не впервой...

– Подожди, – настоял Кульмин. – Пальто накину... Заодно проветрюсь.

Постоянно пошатываясь, и придерживая друг друга, они шли по немногочисленным в этот час улицам. Иногда падали, а затем, то смеясь, то ругаясь, с трудом поднимались и продолжали свой путь, не обращая ни на кого внимания. Столяровский несколько раз пробовал петь, но кроме диких выкриков и отдельных вульгарных куплетов, у него ничего не получалось. Попадавшиеся на их пути случайные прохожие с брезгливым видом обходили их стороной. Некоторые называли их алкоголиками, на что Михаил Степанович пристыжённо отворачивался, а Рудик отрицательно жестикулировал руками:

– Мы не алкоголики! У нас сын родился... – возражал он, и снова продолжал горланить похабные песни.

Однако вскоре это занятие ему надоело, и несколько минут он шёл молча.

– Степаныч! – словно очнувшись, прокричал Столяровский, пытаясь заглушить заунывный вой вновь разгулявшейся метели. – Смотри, как тебе подфартило...

Он резко отошёл в сторону и через какое-то мгновение уже катил перед собой коляску тёмно-голубого цвета.

– Как по заказу! – озираясь по сторонам, сказал он. – Импортная...

– Прекрати дурковать! – строго возразил Михаил Степанович.

– Сам просил. Бери. Пользуйся...

– Отстань, ненормальный! – возмутился Кульмин, пытаясь вырвать коляску из цепких рук Столяровского.

– Не желаешь?! Хрен с тобой... Мне самому сгодится, – пьяно икая Рудик демонстративно проволок её до следующего квартала. У своего дома он небрежно попрощался с Кульминым и, прежде чем с грохотом ввалился в подъезд, громогласно продекламировал:

– Пожалейте меня, сиротинушку! Подайте хлеба! Налейте вина...

Через секунду Рудик опять выглянул из-за двери и напутственно выкрикнул:

– Подарок заberi! Не будь идиотом. Дубина...

Михаил Степанович посмотрел на коляску, зло сплюнул и неторопливо зашагал по тротуару. Вскоре он остановился и, немного поразмыслив, вернулся назад.

Сильный порыв ветра сбивал его с ног, а пронизывающий насквозь мороз обадал жгучим отрезвляющим холодом. Прикрывая замёрзшие щёки и уши, Михаил Степанович поглубже натянул ушанку и завязал тесёмки. Он долго блуждал по городу, но так и не вспомнил то место, где Столяровский взял коляску.

«Ладно, утром разыщу хозяина», – подумал Кульмин. Он сильно замёрз и хотел как можно скорее вернуться в тёплую квартиру.

Несколько минут Михаил Степанович безрезультатно пытался втащить коляску на крыльцо. Заметённые снегом покатые скользкие ступеньки не давали ему ни малейшего шанса вкатить её наверх, а ветер так зловеще хлестал в лицо, что у Михаила Степановича не было сил с ним бороться. Отказавшись от пустой затеи, он порылся в карманах и, вынув связку ключей, начал внимательно её разглядывать.

– Вот и замечательно, – облегчённо вздохнул Кульмин, – пусть до утра постоит в сарае...

Всю ночь Михаилу Степановичу снились кошмары. Кто-то постоянно преследовал его, а кто-то, кривляясь и гримасничая, неистово вопил: «Ну, ещё полстаканчика! Ещё чуть-чуть...»

Кульмин беспокойно ворочался, тяжело стонал, обливаясь холодным потом. В полночь он с трудом поднялся и, слегка покачиваясь, зашёл на кухню.

– Вот это да! – раздосадовано пробурчал Михаил Степанович, оглядываясь по сторонам. Сорванные занавески болтались на подоконнике, и по жирным пятнам можно было понять, что кто-то из гостей неоднократно вытирал о них руки. На столе возвышалась груда грязной посуды, и царил полнейший хаос. Остатки закуски лежали вперемешку с папиросными окурками. На полу валялись осколки разбитого стакана и перевернутая вверх дном пепельница.

«Прекрасно погуляли!» – подумал Кульмин, с жадностью прихлёбывая из трёхлитровой банки ещё не настоявшийся квас.

Он хотел собрать мусор в ведро, но, наклонившись, почувствовал сильное головокружение.

«Утром наведу порядок», – решил Михаил Степанович и, обхватив руками большую голову, несколько раз с силой нажал на виски.

Прежде чем снова лечь на тахту, он взглянул на свои ботинки, которые не смог снять ещё вечером, когда вернулся домой. Ему было стыдно за самого себя. Он мог найти тысячу оправданий всему случившемуся, но это ничуть не успокаивало и от бессмысленных отговорок не становилось легче.

«Утром вымою полы, вынесу мусор», – подумал Михаил Степанович, но тут же поймал себя на иной мысли.

«Утром. Что значит утром? На работу не нужно. В отпуске... Что же ещё? Ах, да!...» – напрягая память, вспомнил Кульмин: – «Утром надо вернуть коляску».

Тягостные воспоминания не давали покоя. Он старался не смотреть на портрет супруги, но всё равно не мог не думать о ней. Он представил себе, как Светлана Алексеевна с тревогой подходила к окну в надежде увидеть его, а он, может, в тот самый момент в отвратительном виде бродил по городу и, в придачу ко всему, тащил украденную коляску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.